

Педро Кальдерон Де Ла Барка. Стойкий принц (перевод Константина Бальмонта)

Перевод Константина Бальмонта
Pedro Calderon de la Barca. Dramas
Педро Кальдерон де ла Барка. Драмы. В двух книгах.
Книга первая
Издание подготовили Н. И. Балашов, Д. Г. Макогоненко
"Литературные памятники", М., "Наука", 1989
OCR Бычков М.Н.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дон Фернандо, принц
Дон Энрике, принц
Дон Хуан Кутиньо
Царь Феса, старик
Мулей, начальник армии
Селин
Брито, шут
Альфонсо, король Португалии
Таруданте, царь Марокко
Феникс, инфанта
Роза
Сара
Эстрелья
Селима
Португальские солдаты
Пленники
Мавры

Сцена в Фесе и его окрестностях
и в окрестностях Танхера. -
Действие начинается в 1437 году.

ХОРНАДА ПЕРВАЯ

СЦЕНА 1-я

Сад Царя Фесского.

Пленники выходят с пением; Сара.

Сара

Ну, пойте, пойте, звуки песен
С прекрасной Феникс говорят,
Пока она, внимая песне,
Меняет пышный свой наряд.
Ей часто нравились напевы
Печали, плена и скорбей.

Первый пленник

Те песни, что рождались волей
Колодок наших и цепей,
Ужель могли ей быть желанны?

Сара

Могли и были. Пойте ей.
Она вас слушает отсюда.

Второй пленник

То будет худшей из скорбей.
О, Сара нежная, лишь звери,
Лишь птицы, чья душа во тьме,
Чей дух мышленьем не украшен,
Поют, веселые, в тюрьме.

Сара

Так никогда вы не поете?

Третий пленник

В усладу горести своей,
Но не чужой, слагаем песни.

Сара

Она вас слушает. Скорей.

Пленники (поют)

Все высокое сдается
Тяжкой силе долгих лет.
Время с легкостью несется
Для губительных побед.

СЦЕНА 2-я

Роза. - Те же.

Роза

Ступайте, пленники, из сада,
И пенье кончите. Сюда
Выходит Феникс молодая,
Как предрассветная звезда,
И ей гордится луг зеленый,
И ей украшены цветы.

(Пленники уходят.)

СЦЕНА 3-я

Феникс, Эстрелья и Селима,
как бы кончая одевать Инфанту. - Сара,

Роза.

Эстрелья

Второй зарею к нам являясь,
Как царственно прекрасна ты!

Сара

И первая сказать не смеет,
Что ей обязаны одной
Своим багряным блеском - роза,
Жасмин - своею белизной.

Феникс

Подайте зеркало.

Эстрелья

Не надо
Просить совета у него:
Ни одного нет недостатка
В картине лика твоего.
(Ей дают зеркало.)

Феникс

Что в красоте (пусть я признаю,
Что я красива), что мне в ней,
Коль нет веселья, нет блаженства?

Селима

Какая ж боль в душе твоей?

Феникс

Ах, если б знала я, Селима,
Что мучит сердце, мне б тогда
Усладой горести служила
Моя сердечная беда!
Когда б я знала, в чем страданье
И чем нарушен мой покой,
Я назвала бы огорченьем
То, что зову теперь тоской.
Но я лишь чувствую и знаю
Глухую боль каких-то ран,
Воспринимаю огорченно
Души встревоженной обман.

Сара

Когда тебя не развлекает
Весною расцвеченный сад,
Где в пышном храме из жасминов
Колонны роз, блестя, молчат,
Отправься к морю: лодка будет
Воздушной колесницей дня.

Роза

И на волнах увидя столько
Живого блеска и огня,
Печально сад промолвит морю:

"Уж солнце, в мир бросая тень,
В свое вернулось средоточье:
Как быстро минул этот день!"

Феникс

Напрасно, образуя тени,
Являя дали, тешит взор,
Средь отражений и сияний,
Земли и моря дружный спор.
С цветами спорят блеском волны,
С волнами речь ведут цветы,
И друг у друга отнимают
Первопрестольность красоты.
Увидя, как умеет море
Движеньем волн своих дышать,
Стремятся в зависти растенья
Его теченью подражать:
И потому зефир влюбленный,
Волнуя цвет и аромат,
Колелеет нежные растенья
И изменяет пышный сад,
И он является не садом,
А океаном из цветов:
И море, видя с огорченьем,
Как вешний сад и свеж и нов,
Стремится также разукрасить
Роскошной пеной берег свой,
Высокие ломает волны,
С их белизной и синевою,
И в состязании изящном,
Вторичный воплотив закон,
Красуется залив зеленый
И голубой цветущий склон,
И красотой ярких перьев,
И переливностью сквозной,
Блится сад, как море в цвете,
И море точно сад весной:
Так как же тосковать должна я,
Когда привлечь не могут взор
Земля и небо, сад и море?

Сара

Велик души твоей раздор.

СЦЕНА 4-я

Царь, с портретом. - Те же.

Царь

Когда недуг твой позволяет
Дать отдых для сердечных бед,
Пусть этот подлинник прекрасный
(То подлинник, а не портрет,
В нем дышит жизнь) тебе

расскажет,

На утешение всем нам,
Что Принц мароккский, Таруданте,
Кладет венец к твоим ногам.
Он от него послом явился,
И несомненностью зови,
Что раз посол немым приходит,
Так с ним послание любви.
В его защиту я вступаюсь:
Он десять тысяч мне дает
Проворных всадников, которых
В моих войсках недостает.
А я как раз намереваюсь
Немедля Сеуту отбить.
Пусть стыд положит гнев на

МИЛОСТЬ

И не препятствует любить
Того, кто будет в нашем Фесе,
На много беспечальных дней,
Блистательно короноваться,
Как царь над красотой твоей.

Феникс

Аллах да будет мне защитой!

Царь

Ну, что ж ты опускаешь взор?
Что так тебя тревожит сильно?

Феникс (в сторону)

Увы, мой смертный приговор.

Царь

Что говоришь ты?

Феникс

Государь мой,
Ты знаешь, что уж столько дней
Ты был мой царь, отец, владыка.
Что ж говорить мне? (В сторону.)

(О, Мулей!

Какой тобой утрачен случай!)
Молчание (О, горе мне!)
Есть знак лишь моего смиренья.
(В сторону.)
(О, лжет душа, горя в огне,
Лжет голос, говоря такое!)

Царь

Возьми портрет.

Феникс (в сторону)

Возьму рукой,
По принужденью, не душою.
(Слышен пушечный выстрел.)

Сара

Встречают пушечной пальбой
Мулея, кончившего ныне
По морю фесскому блуждать.

Царь

И справедлива эта встреча.

СЦЕНА 5-я

Мулей, с жезлом главнокомандующего. - Те
же.

Мулей

Дай ноги, Государь, обнять!

Царь

Мулей, счастливое прибытье!

Мулей

Кто, прибывая, видит свет
Такой властительнейшей сферы,
Чьей силой мир кругом одет,
И кто, вступая в пристань, видит
Дочь солнца, ясную зарю,
Его прибытие счастливо,
Я это смело говорю.
Прошу, сеньора, дай мне руку.
Я эту милость заслужил:
Лишь для тебя готова славу,
Я не щажу послушных сил.

(В сторону.)

(Ушел как раб, и вновь с любовью,
Как прежде пылкой, прихожу).

Феникс (в сторону)

(О, небеса! Что предо мною?)
Я с благодарностью гляжу,
Мулей, на преданность и верность.
(Я умираю.) Твой приход
Да будет счастлив.

Мулей (в сторону)

Нет, как вижу,
Он много мне сулит невзгод.

Царь

Что ж нового, Мулей, на море?

Мулей

Теперь терпенье покажи:
Дурные вести приношу я.

Царь

Все, что ты знаешь, нам скажи:
Кто одарен душой стойкой,
Тот с ликом ясности всегда
Добро и зло равно встречает.

Сядь, Феникс нежная, сюда.

Феникс

Я здесь.

Царь

Садитесь все. Внимайте.
Не скрой молчаньем ничего.
(Царь и дамы садятся.)

Мулей (в сторону)

(Нет красноречья, нет

молчанья,

Увы, у сердца моего.)
Великий Царь, как повелел ты,
С двумя галерами я вышел,
Чтоб совершить объезд по морю
Вдоль берберийских берегов {1}.
Твоим намерением было,
Чтоб прибыл я в тот город

славный,

Что звался некогда Элисой;
У самой бухты он стоит
Близ Геркулесова пролива {2},
Название его от Сейдо,
А Сейдо, Сеута, в еврейском,
Как и в арабском, красота.
Воистину красив тот город!
Но небеса его отторгли
От твоего венца, владыка;
Быть может, мудрый Магомет
Хотел свой гнев явить нам в этом,
И в посрамленье нашей силы
Нам португальские знамена
На башнях видятся его.
И в них насмешка нашей славы,
Для нашей гордости преграда
Кавказ, которым задержался
Могучий Нил твоих побед {3},
И посредине перервавшись,
Поток разливный остановлен,
И путь в Испанию утрачен.
Так выполняя твой приказ,
Я вышел в море, чтоб разведать,

Какой он вид теперь имеет,
Какие в нем сокрыты силы,
И как вернее можешь ты,
Уменьшив тяжесть предприятия,
Начать войну. Да будет воля
Небес на то, чтобы с победой
Тебе был город возвращен!
Хотя теперь нам ждать придется,
Покорствуя беде важнейшей;
И замысел ты свой отвергни,
Увидя, что зовет другой:
Войска, которые тобою
Для Сеуты предназначались,
Должны к Танхеру устремиться,
Там та же горькая беда,
Там то же горькое несчастье,
Там та же пытка, та же мука.
Я это знаю, потому что
Однажды, утренней порой,
В тот час, когда,

полупроснувшись,

И смутный запад попирая,
Выходит солнце, разметавши
Волну сияющих волос
Над нежной белизной жасминов,
Над блеском роз багряноцветных,
И тканью золотой стирает
С очей проснувшейся зари
Сверканье слез огня и снега,
Их превращая в пышный жемчуг,
Вдали на море увидал я
Громаду тяжких кораблей:
И в это первое мгновенье
Не мог решить мой взор смущенный,
Что было там на горизонте,
Утесы или корабли.
Подобно как в живописаньи
Искусной кистью создаются
Виденья, облики, и дали,
И, перспективой обольщен,
То видит глаз глухие горы,
То города с их светлой славой, -
Всегда рождает отдаленность
Толпу чудовищ для очей, -
Так точно в областях лазурных,
Смешавши волны с облаками
И море с небом сочетая,

Сплетенье света и теней
Родило тысячи обманов
Для глаз, увидевших сначала
Лишь облик смутных очертаний
Без различенья четких форм.
Сперва, увидев, что краями
Те отдаленные предметы
Уходят в небо, мы решили,
Что это были облака
Из тех, которые стремятся,
К сафиру моря прикоснувшись,
Зачать потоки дождевые,
Чтоб их кристаллами родить.
И складно было так подумать,
Неисчислимая громада,
Казалось, всю морскую бездну
По капле думала испить.
Потом нам ясно показалось,
Что это рой морских чудовищ
В сопровождении Нептуна
Из водных выступил пещер;
Игрушка утреннего ветра,
Вздувались паруса, качаясь,
И нам казалось, это крылья
Качаются над зыбью волн.
Но этот Вавилон огромный
Приблизился, и было видно,
Что выпела с их трепетаньем -
Его висячие сады.
Удостоверенное зренье
Тогда узнало без ошибки,
Что это близилась армада
По глади рассеченных вод.
Вкруг кораблей взметались волны,
Они кудрявились, крутились
То серебристыми скалами,
То горами из хрусталя.
Такие вражеские силы
Перед собою увидавши,
Я повернул: порой умело
Бежать - есть тоже победить.
Подробно море это зная,
Зашел я в замкнутую бухту,
Где под прикрытьем двух утесов
Нашел прибежище себе.
И мог без страха встретить ярость
Такой могущественной силы,

Явившейся на изумленье
Земли и моря и небес.
Они пришли, нас не заметив,
И я, желая (столь понятно!)
Узнать, куда армада эта
Направила дальнейший путь,
Решил вторично выйти в море,
И этот раз мои надежды
Напрасными не оказались,
Всевышней волею небес:
От флота сильного отставший
Один корабль на зыби водной,
Незащищенный, слабо бился,
Он, как позднее я узнал,
От всей армады, перенесшей
Свирепость бури, отделился,
И был разбит, и был разорван,
И так наполнен был водой,
Что не могли его насосы
Ее вычерпывать: качаясь
И наклоняясь вправо, влево,
Он выплывал и утопал,
Я подошел к нему вплотную,
И утопавших тем утешил,
Хоть я и мавр, - иметь в

несчастьи

Товарища, - приятно всем,
Настолько, что усладой служит
И вид врага. Желанье жизни
Настолько охватило многих,
Что, сделав лестницей канат,
Они сдались, хотя другие
Их осуждали, восклицая,
Что жить - не жить, живя без

чести,

И с португальским хвастовством
Сопротивленье оказали.
Один из сдавшихся подробно
Поведал, что армада эта
Из Лиссабона шла в Танхер,
Чтоб осадить его геройски,
И на стенах его зубчатых
Чтоб португальские знамена
Блестали так же, как всегда
На Сеуте мы это видим,
Когда выходит в небо солнце.
Царь португальский, Эдуарте,

Чья слава, полная побед,
Витают с римскими орлами,
Своих двух братьев посылает,
Энрике и Фернандо, славу
Столетия нашего, чтоб здесь
Они победой увенчались.
Магистры ордена - чье имя
Христос и Авис, - эти братья {4};
И на груди у них кресты,
Зеленый крест и крест багряный.
Они четырнадцати тысяч
Солдат выплачивают деньги,
Тех не считая, государь,
Что служат им в свой счет,

бесплатно.

Коней могучих десять сотен
Дала испанская надменность,
И каждый конь - как ягуар,
Как ягуар, одетый тигром.
Они теперь уже в Танхере,
И в этот час, о, государь мой,
Ступают по его пескам,
А если нет, то проплывают
Вдоль берегов. Так поспешим же
И защитим его: бесстрашно
Бич Магомета подними,
И лучший лист из книги смерти
Исторгни властною рукою,
Быть может, совершится ныне,
Что Морабиты предрекли, -
Что португальская корона
Найдет злосчастную могилу
Среди песков, сожженных солнцем,
На африканских берегах.
Пусть силою меча кривого
Кровь португальцев изольется,
И ширь полей зелено-синих
Воспримет ярко-алый цвет.

Царь

Молчи, не говори мне больше,
Твои слова смертельный яд,
Они во мне свирепость будят
И казнь лютою казнят.
Пускай Инфанты с мощной ратью
Идут, подобные огню.

Я укрошу смельцов кичливых
И в Африке похороню.
Мулей, ты с конницей немедля
Отправься к берегу и там
Держись, пока с своею силой
Я не приду на помощь к вам.
Твоей я крови доверяюсь.
Ты в стычку вовлеки врагов,
Не позволяя захватить им
Все протяженье берегов,
А я с проворностью такой же,
Как ты, неся с собой беду,
Всех остальных бойцов бесстрашных
На поле битвы приведу.
Мы кровью спор запечатлеем,
Мы явим для веков пример,
И Сеута моею будет,
Им не достанется Танжер.
(Уходит.)

СЦЕНА 6-я

Феникс, Мулей, Сара, Роза, Эстрелья,
Селима.

Мулей

Хоть ухожу, но не хочу я
Уйти, о, Феникс, без того,
Чтоб не сказать, что умираю
Я от недуга моего.
И мой недуг меня заставит
Почтительность к тебе забыть:
Но тот, кто ревностью терзаем,
Учтивым может ли он быть?
В твоей руке прекрасно-белой
Скажи, врагиня, чей портрет?
Кто этим счастьем обласкан?
Скажи мне, кто? Но, впрочем, нет.
Не говори мне оскорблений:
Не слыша от тебя, кто он,
Его в твоей руке увидя,
Я слишком, слишком поражен.

Феникс

Мулей, хотя мое желанье

Тебе позволило любить,
Но оскорбительным, но грубым
Со мною ты не должен быть.

Мулей

То правда, Феникс, сам я знаю,
Что так нельзя мне быть с тобой;
Но видит небо, что, ревнуя
И мучаясь, я сам не свой.
Тебе служил, тебя любил я,
Тебя я в сердце берегу;
Но если я молчал, влюбленный,
Молчать, ревнуя, не могу.

Феникс

Твоя вина не заслужила,
Чтоб объяснения я дала,
Но для себя самой хочу я,
Чтоб не было меж нами зла.
Причина есть...

Мулей

Так есть?

Феникс

Конечно.

Мулей

Да сохранит тебя Творец!

Феникс

Портрет мне...

Мулей

Послан?

Феникс

Таруданте.

Мулей

Зачем?

Феникс

Затем, что мой отец,
Не зная о моей заботе...

Мулей

Отлично.

Феникс

Пожелал, чтоб два
Владенья царские...

Мулей

Довольно.
Причина, значит, такова?
Творец тебя да покарает!

Феникс

Но в чем, скажи, моя вина,
Когда отец замыслил это?

Мулей

Ты лучше умереть должна
Была сегодня, но портрета
Не принимать.

Феникс

Свою боязнь
Могла я скрыть, но что же сделать
Могла бы я?

Мулей

Пойти на казнь,
Как я пошел бы.

Феникс

Неизбежность.

Мулей

Ты позабыла свой обет.

Феникс

Я уступила поневоле
Насилию.

Мулей

Насилья нет!

Феникс

Так что же?

Мулей

Я, с тобой

расставшись,

Мою надежду схоронил.
И так как снова убеждаться
В твоей измене - выше сил,
Я уйду, - ты можешь, Феникс,
Мне пожелать побольше зла.

Феникс

Иди, разлука неизбежна...

Мулей

Уже душа моя ушла.

Феникс

В Танжер, а сетованья после
Окончишь в Фесе, в свой черед.

Мулей

Да будет мой недуг продолжен.

Феникс

Прощай, разлука нас зовет.

Мулей

Итак, портрета не отдавши,
Ты мне велишь теперь идти?

Феникс

Когда б не Царь, его давно бы
Я уничтожила.

Мулей

Пусти,
Отдай же, говорю, портрет мне,
Пусть вырву из руки - того,
Кто за моей спиной вырвал
Меня из сердца твоего.
(Уходят.)

СЦЕНА 7-я

Побережье Танхера.

За сценой слышен звук рожка,
шум высадки на берег, затем выходят Дон

Фернандо,

Дон Энрике, Дон Хуан Кутиньо
и португальские солдаты.

Дон Фернандо

О, Африка прекрасная, пусть

первым

На берег твой песчаный я вступлю,
Чтоб тяжести шагов ты уступила,
Как волны уступают кораблю.

Дон Энрике

А я вторым на почве африканской
Встаю. (Падает.) Да осенит нас

Дух Святой!

предвещанья.

И здесь за мною следом

Дон Фернандо

пустой.

Энрике, прогони свой страх

раскрывает.

Раз ты упал, паденье это значит,
Что пред тобою самая земля,
Как пред царем, объятья

Дон Энрике

Пустынны горы, доли и поля,
Арабы, увидав нас, прочь бежали.

Дон Хуан

Танхер закрыл ворота стен своих.

Дон Фернандо

Кутиньо,

Граф де Миральва, Дон Хуан

зной

Враги ушли, но мы отыщем их.
Исследуйте подробно поле битвы,
И прежде чем полдневный жгучий

беспощадно,

Нас будет жечь и ранить

защищаться,

Забросьте в город возглас боевой.
Скажите, чтоб не думал

сумею

А ежели царит упорство в нем,
В Танхер ворвавшись, быстро я

Его наполнить кровью и огнем.

Дон Хуан

воротам,

Смотри же, как, направившись к

круч,

Я вплоть до крепостных приближусь

Хотя бы там вулкан огней и молний

Извергнул к солнцу сонмы дымных
туч.

(Уходит.)

СЦЕНА 8-я

Брито, Дон Фернандо, Дон Энрике,
португальские солдаты.

Брито

Благодаренье Богу, я на суше.
Иду, куда хочу. Апрель и май.
Ни тошноты, ни ужасов, ни качки,
И я не в море. Ну, вода, прощай.
Не в море я, где даже самый

быстрый

К чудовищу из дерева причтен,
И может быть судьбою этим глупым
Внезапно на погибель осужден.
Родимая земля, да не умру я
В воде, и до последнего конца
Пускай и на земле не умираю.

Дон Энрике

Ты можешь слушать этого глупца?

Дон Фернандо

А ты так безрассудно, безутешно
Не слушаешь, как шепчет страх в

тебе?

Дон Энрике

Душа моя полна предчувствий

темных,

И казнь моя желательна судьбе:
Везде я вижу только лики смерти,
С тех пор как флот оставил

Лиссабон,

Едва на этот берег берберийский
Набег армады нашей был решен,
Как Аполлон, весь в саване

туманов,

вдали,
видений,
кровь,
птицы,
вновь,
Сокрыл свой образ, между туч,
И море, бурей бешеной объято,
Вдруг разметало наши корабли.
Взгляну на море – там ряды
На небо – там в лазури вижу
На воздух – там ночные вьются
Смущенный, я смотрю на землю
Разъятая, она могилы кажет,
Я падаю, бессилием объят.

Дон Фернандо

нами;
а праздник;
их,
обман,
бессмертных книгах
Бога,
счастливо:
Я изъясню тебе твои сомненья,
Печалиться не нужно, милый брат.
Один корабль у нас разбила буря,
И этим самым море предрекло,
Что слишком много войска взято
Оделось небо пышно и светло,
В багряный цвет, – не ужас в том,
Чудовища нам видятся в воде
И птицы в ветре – создали не мы
И если здесь мы видим их везде,
Они конец кровавый предвещают
Своей земле. Не верь в пустой
Приличны эти все приметы маврам,
В них указаний нет для христиан.
Мы оба христиане, и с оружием
Не для тщеславья прибыли сюда,
Не для того, чтоб мир в
Сказания о нас читал всегда.
Пришли мы возвеличить веру в
Ему и честь и слава надлежит,
Когда дозволит, будем жить
Гнев Божий нас повсюду сторожит.

страхах
вершин:
обидеть:

Его страшиться должно; но не в
Пустых нисходит гнев с Его
Ему служить пришли мы, не
Так будь же до конца христианин.
Но что случилось?

СЦЕНА 9-я
Дон Хуан. - Те же.

Дон Хуан

Повелитель,
Идя к стене, как ты сказал мне,
На склоне той горы высокой
Я конный увидал отряд;
Сюда стремится он из Феса,
И так наездники проворны,
Что кони, кажется, не кони,
А перелетных стая птиц.
Их не поддерживает ветер,
Земля едва их ощущает,
И воздух и земля не знают,
Они бегут или летят.

Дон Фернандо

Так поспешим же к ним навстречу,
Вперед направим мушкетеров,
За ними с копьями и в латах
Пусть выйдут конные бойцы.
Начало доброе, Энрике,
Нам обещает этот случай.
Его приветствовать должны мы.
Итак, мужайся.

Дон Энрике

Я твой брат.
Не утрашит меня неверность
Такого случая и даже
Не утрашил бы облик смерти.
(Уходят.)

Брито

А что касается меня,
Мне надо быть всегда в засаде.
И стычка же! На копья – копья.
Турнир, скажу вам, превосходный,
Ну, надо мне скорей в тайник.
(Уходит.)

(За сценой слышен призыв к оружию.)

СЦЕНА 10-я

Другой пункт побережья.

Дон Хуан и Дон Энрике, сражаются
с несколькими маврами.

Дон Энрике

Смелей, на них, уже разбиты,
Повсюду мавры отступают.

Дон Хуан

Поля убитыми покрыты
Солдатами и лошадьми.

Дон Энрике

А что ж не видно Дон Фернандо?

Дон Хуан

В пылу борьбы он где-то скрылся.

Дон Энрике

Отыщем же его, Кутиньо.

Дон Хуан

Где ты, повсюду я с тобой.
(Уходят.)

СЦЕНА 11-я

Дон Фернандо, со шпагой Мулея,
и Мулей, с одним только щитом.

Дон Фернандо

На поле битвы опустелом,
Что общей кажется могилой,
Или театром самой смерти,
Остался, мавр, один лишь ты,
Твои солдаты отступили,
Твой конь струит потоки крови,
Покрытый пеною и пылью,
Он возмущает дольний прах,
И меж коней, освобожденных
От седоков своих убитых,
Тебя добычей он оставил
Моей властительной руки.
И я горжусь такой победой,
Ее желаннее иметь мне,
Чем видеть это поле битвы
Венчанным злостью гвоздик.
Так много пролито здесь крови,
И так украсилось ей поле,
И так несчастье громадно,
Что утомленные глаза,
Проникшись жгучим состраданьем,
Уставши всюду видеть гибель,
Невольнo ищут, не глядит ли
Меж красного зеленый цвет.
Итак, твою сразивши храбрость,
Я из коней, бродивших в поле,
Взял одного, и оказался
Таким чудовищем тот конь,
Что, сын ветров, он притязает
Быть у огня усыновленным,
И между пламенем и ветром
Его оспаривает цвет,
Он белый весь, и потому-то
Вода сказала: "Он рожденье
Моих глубин, его из снега
Могла сгустить одна лишь я".
По быстроте он, словом, ветер,
По благородству - пламя молний,
По белизне - воздушный лебедь,
По кровожадности - змея,
По красоте - высокомерный,
По дерзновенности - могучий,

По ржанию звонкому - веселый,
По груди сильной - великан.
Сев на седле и сев на крупе,
Вдвоем с тобой чрез море крови
Мы пронеслись между трупов
На оживленном корабле,
И между пеною и кровью,
Как бы играя в перламутре,
Он от хвоста до самой челки
В стремленьи бешеном дрожал
И, чуя тяжесть над собою,
Двойною парой шпор пронзенный,
Он мчался, чудилось, влекомый
Теченьем четырех ветров.
Но и такой атлант могучий
Под тяжестью своей сломился,
Затем что тяжкий гнет несчастий
И зверю чувствовать дано;
А может быть в своем инстинкте
Задет, он про себя промолвил:
"Веселым шествует испанец,
Печальным едет в путь араб:
Так против родины я буду
Изменником и вероломным?"
Но будет говорить об этом.
Глубоко опечален ты,
Скрывает сердце, сколько может,
Но ты устами и глазами
Изобличаешь те вулканы,
Что у тебя в груди кипят,
И шлешь ты пламенные вздохи,
И слезы нежные роняешь,
И каждый раз, как обернусь я,
Моя душа удивлена;
Должна другая быть причина,
Которая тебя печалит,
Не мог твой дух одним ударом
Судьбы жестокой быть сражен:
И было бы несправедливо
И дурно, если б о свободе
Так горько плакал тот, кто может
Так тяжко раны наносить.
И потому, коль, рассказавши
Другому о своем несчастье,
Тем самым горе облегчаешь, -
Пока к моим мы не придем,
Раз эту милость заслужил я, -

Тебя степенно и учтиво
Я убеждаю, Расскажи мне,
Какое горе у тебя.
Скорбь сообщенная бывает
Не побежденной, но смиренной,
И я, виновник самый главный
Превратности твоей судьбы,
Желаю быть и утешеньем
И устранителем причины
Твоих печальных вздыханий,
Коли причина разрешит.

Мулей

Велик ты в храбрости, испанец,
И так учтив ты, как бесстрашен;
И ты словами побеждаешь,
Как шпагой можешь побеждать.
Когда меня на поле битвы
Ты победил мечом могучим,
Ты жизнь мою своею сделал,
И вот вторично взят я в плен;
Моя душа твоею речью
Побеждена, ты повелитель
И над душою и над жизнью,
Ты и жесток и милосерд,
И побежден тобой я дважды
Оружием и обращеньем.
Ко мне проникшись состраданьем,
Испанец, ты меня спросил,
О чем я пламенно вздыхаю;
Я сознаю, что, если скажешь
Другому о своем несчастье,
Оно тогда умягчено,
Но сознаю я вместе с этим,
Что тот, кто говорит о боли,
Желает, чтоб она смягчилась,
Моя же боль в моей душе
Царит настолько над моими
Восторгами, что, не желая
Смушенья их и облегченья,
Хотел бы я о ней молчать;
Но нужно мне повиноваться,
И я тебе открою тайну.
Я Фесского Царя племянник,
И называюсь шейх Мулей.
Мой род прославлен многократно

Наместниками и пашами.
Но я был сыном злополучии
С первоначальных дней моих,
И даже на пороге жизни
Родился я в объятьях смерти.
Пустыня, что была великой
Могилой для испанских войск,
Была моею колыбелью:
Узнай, что я родился в Хельве

{5},

В тот самый год, когда у Хельва
Вы поражение понесли.
Явился я к Царю Инфантом,
Служить ему. – Но тут начало
Моих печалей и несчастий:
Казни, судьба, меня, казни.
Я красоту увидел в Фесе,
Она, мое очарованье,
Жила близ моего жилища,
Чтоб ближе смерть я встретить

мог.

И чтоб любовь была вернее,
Чтоб не могла она порваться,
Росли мы оба неразлучно
С первоначальных наших лет,
И в те младенческие годы
Любовь не молнией явилась,
Когда глубоко поразила
Не силу и не высоту,
А нежность, трепетность,

смиренность,

И, чтоб явить свое господство,
Она неравными стрелами
Пронзила юные сердца.
Но как вода своим упорством
На камне след обозначает
Не силою своих ударов,
А тем, что падает всегда,
Так неотступными слезами
Сумел пробить я камень сердца,
Который в долгом равнодушии
Казался тверже, чем алмаз;
Не силою заслуг особых,
А тем, что я любил безмерно,
Ее заставил я смягчиться,
И, осчастливлен ею, жил,
Хотя недолго, наслаждаясь

Восторгами любви блаженной,
Но отлучился на несчастье:
Довольно этим я сказал!
Другой влюбленный в это время
Меня убил своей любовью,
Он счастлив был, а я несчастен,
Он близко был, я далеко,
И я в плену, а он свободен,
Так велико противоречье
Его судьбы с моей судьбою:
Решай, могу ли я скорбеть!

Дон Фернандо

нежный,

О, смелый мавр и в чувствах

Коль ты влюблен, как повествуешь,
И очарован, как сказал мне,
И любишь, как изобразил,
И так ревнуешь, как вздыхаешь,
И так мечтаешь, как боишься,
И так желаешь, как тоскуешь,
Блаженно мучаешься ты.
Один лишь выкуп мне желанен:
Чтобы твоим был этот выкуп.
Вернись к возлюбленной, скажи ей,
Что португальский дворянин
Тебя в рабы ей посылает:
А ежели она захочет
Мне заплатить из чувства долга,
Мое добро бери себе:
Возьми у ней любовь как деньги
И получи с нее проценты.
Смотри, уж конь, упавший наземь,
Передохнул и снова встал;
Я знаю, что зовут любовью,
И знаю, в чем беда разлуки,
Тебя удерживать не стану,
Бери коня и поспешай.

Мулей

Я не скажу тебе ни слова;
Кто дар свой щедро предлагает,
Тот награжден уже тем самым,
Что принят добровольный дар.
Скажи мне, португалец, кто ты?

Дон Фернандо

Не более, как благородный.

Мулей

Кто б ни был ты, я это вижу.
Я буду навсегда твой раб,
Как в счастье, так и в несчастье.

Дон Фернандо

Бери коня, не медли. Поздно.

Мулей

Когда тебе так показалось,
Что чувствует, кто был в плену
И кто к любви спешит, свободный?
(Уходит.)

Дон Фернандо

Великодушно - дать другому
Свет жизни.

Мулей (за сценой)

Храбрый португалец!

Дон Фернандо

Он с лошади мне говорит.
Чего ты хочешь?

Мулей (за сценой)

Я надеюсь,
Что будет день, когда сумею
Я отплатить за это благо.

Дон Фернандо

Да усладит тебя оно.

Мулей (за сценой)

Добро не может потеряться.
Аллах тебя да сохраняет,
Испанец смелый {6}.

Дон Фернандо

Если только
Аллах есть Бог, будь счастлив с

НИМ.

(За сценой слышны барабаны и трубы.)
Но что за трубный звук я слышу?
Им ветры быстрые полны,
Загрохотали барабаны,
Я слышу музыку войны.

СЦЕНА 12-я

Дон Энрике, Дон Фернандо.

Дон Энрике

Фернандо, я к тебе с известьем.

Дон Фернандо

Что нового?

Дон Энрике

Ты слышишь шум?
Войска из Феса и Марокко
На нас примчались, как самум.
Нежданно прибыл Таруданте,
Чтоб фесскому царю помочь,
Сам царь пришел с огромным

ВОЙСКОМ,

И обступили нас, как ночь.
Ведя осаду, их войсками
Мы с двух сторон осаждены,
С одним рука с рукой сразимся,
Другому тыл предать должны.
Нас ослепили блески Марса.
Что делать нам в беде такой?

Дон Фернандо

Что делать? Умереть, как должно,
С невозмутимой душой.
Мы два Маэстре, два Инфанта,
Довольно было бы сказать -
Два португальца, чтобы страха
Ни перед чем не показать.
Так повторим, Христос и Авис,
Христос и Авис навсегда,
И с радостью умрем за веру,
Коль умереть пришли сюда.

СЦЕНА 13-я

Дон Хуан. - Дон Фернандо, Дон Энрике.

Дон Хуан

В недобрый час на этот берег
Сошли мы с наших кораблей.

Дон Фернандо

Не время говорить об этом,
Сражаться нужно нам. Смелей!
Судьба взывает к нашей силе,
Мы вражьей стиснуты толпой,
Итак, на бой. Христос и Авис!

Дон Хуан

Идемте все. На бой, на бой!
(Уходят с обнаженными шпагами,
и возникает битва.)

СЦЕНА 14-я

Брито

Не выйти нам из переделки,
Два против одного сошлись.
Преподавая, скажу вам, штука.
О, небо, небо, отворись!
Хоть шелку маленькую дай мне,
Чтоб смерти избежать тому,
Кто вышел в битву, сам не зная,
Ни для чего, ни почему.

Давай-ка притворюся мертвым {7},
А заодно, не будь я глуп,
Вменю себе, что это время
Я не жил, будучи как труп {8}.
(Бросается на землю.)

СЦЕНА 15-я

Мавр, с обнаженным мечом нападает
на Дона Энрике. - Брито, на земле.

Мавр

Кто отражает так удары
Руки, струящей свет огней
Четвертой сферы? {9}

Дон Энрике

Тот, кто может,
Доверясь храбрости своей,
С врагами бешено сражаться
Как со свирепыми зверьми.
Кто я, тебе мой меч покажет.
(Топчут лежащего Брито и уходят.)

Брито

И топчет же. Ах, черт возьми!

СЦЕНА 16-я

Мулей и Дон Хуан, Кутиньо, сражаясь. -
Брито.

Мулей

Я вижу, португалец смелый,
Как сила велика твоя,
И не смущаюсь, вам победу
Сегодня дать хотел бы я.

Дон Хуан

О, горе мне, куда ни встану,
Топчу я трупы христиан.
(Уходят оба.)

Брито

Топчи, пожалуй, только я-то
Зачем в удел топтанью дан?

СЦЕНА 17-я

Дон Фернандо, отступая перед Царем
и другими маврами. - Брито.

Царь

Высокомерный португалец,
Я обещание даю,
Что если ты оружие сложишь,
Ты дружбу получил мою.
Скажи мне, кто ты?

Дон Фернандо

Только

рыцарь.

И больше сведений не жди.
Убей меня.

СЦЕНА 18-я

Дон Хуан, становится рядом с Доном
Фернандо. -

Те же.

Дон Хуан

Пусть враг сначала
Найдет отпор в моей груди,
Она стеной алмазной будет.
Вперед, Фернандо, дай им знать
Свою наследственную храбрость.

Царь

Чего еще мне больше ждать?
Пусть прекратится спор оружия,
Не нужно больше славы мне:
Раз этот пленник мной захвачен,
Победа решена вполне.

Во имя плена или смерти
Исполни, что я говорю:
Твой рок свершен, отдай же шпагу,
Фернандо, Фесскому Царю.

СЦЕНА 19-я

Мулей; потом Дон Энрике. – Те же.

Мулей

Что вижу?

Дон Фернандо

Лишь Царю бы отдал
Я шпагу: не отдать ему –
Не мужество, а безрассудство.
(Входит Дон Энрике.)

Дон Энрике

Мой брат!

Дон Фернандо

Волненью своему,
Энрике, не давай быть явным;
Мы тешились в пылу борьбы,
Прими же эту неудачу,
Как переменчивость судьбы.

Царь

Теперь, Энрике, Дон Фернандо
В моих руках: и я могу
Лишить вас жизни: но в победе
Я не желаю мстить врагу.
Я шел лишь на свою защиту,
И если вашу кровь пролью,
Такой я не достигну славы,
Как сохранив вас, в честь мою.
И чтобы выкуп был вернее,
Вернись к Царю, пусть знает он,
Что здесь Фернандо, и тобою
Он может быть освобожден.
Но пусть запомнит Эдуарте,

Что не получит он его,
Покуда Сеута не будет
Владеньем царства моего.
А Вас, светлейший Принц, прошу я
Теперь пожаловать за мной,
Идемте в Фес.

Дон Фернандо

Иду за сферой,
Чей свет - путеводитель мой.

Мулей (в сторону)

Итак, за ревностью и дружба
Зажжет мой дух огнем борьбы.

Дон Фернандо

Энрике, я в плену останусь,
Но не страшусь моей судьбы.
Ты скажешь брату, чтобы в этом
Нежданном бедствии моем
Он был Царем-христианином.

Дон Энрике

Ужель ты усомнишься в нем?

Дон Фернандо

Я говорю, христианином
Пусть явит он теперь себя.

Дон Энрике

И таковым сюда вернусь я.

Дон Фернандо

О неизбежном не скорбя,
Иди. Обнимемся.

Дон Энрике

Ты пленник,
Меня пленяешь.

Дон Фернандо

Дон Хуан,
Прощай.

Дон Хуан

Я остаюсь с тобою.

Дон Фернандо

О, друг, ты мне судьбою дан!

Дон Энрике

О, злополучное событие!

Дон Фернандо

Скажи Царю... Но, впрочем, нет.
Лишь передай мое молчанье
Царю, как горький мой привет.
(Уходят.)

СЦЕНА 20-я
Мавры. - Брито.

Первый мавр

Еще христианин убитый.

Второй мавр

Сегодня порубились мы.
Давай-ка бросим трупы в море,
Во избежание чумы {10}.

Брито

А вот давайте-ка сперва я
Открою настез вам башки;
(Встает и нападает на них.)
Мы, португальцы, и умерши,
Довольно на руку бойки.

ХОРНАДА ВТОРАЯ

Горный склон близ садов Царя Фесского.

СЦЕНА 1-я
Феникс, и тотчас Мулей.

Феникс

Эстрелья! Роза! Сара! Что же,
Никто меня не слышит?

Мулей

Я.

Ты для меня горюшь как солнце,
Я пред тобой как тень твоя.
Услышав голос твой певучий,
Ускорил я свои шаги.
Чего ты хочешь?

Феникс

Здесь останься
И мне советом помоги.
Как рассказать, сама не знаю.
Под тенью нежною ветвей,
Неблагодарный, льстивый, вольный,
И сладостный, бежал ручей,
В волне серебряно-хрустальной
Качая свет дневных лучей;
Неблагодарный, потому что
Не хочет ждать, стремясь вперед;
И льстивый, потому что шепчет,
Но, сам не чувствуя, течет;
И вольный, потому что звонко
Журчанье сладостное льет.
Я по горе гналась за зверем,
К ручью случайно подошла;
И ощутив, как между веток

Прохладно дышит полумгла,
Остановилась в этой чаще
И на мгновенье прилегла.
На этом склоне многоцветном
Гирляндами дышал жасмин,
Там были алые гвоздики,
Весенняя краса долин,
В расцвет растений изумрудных
Вплетался радостный кармин.
Но только душу предала я
Журчанью нежному, как пух,
Как вдруг я слышу шелест листьев,
Гляжу, насторожила слух,
Старуха, вижу, африканка,
Не человек, а точно дух.
Живой скелет того, что было
Лишь тенью бледной и пустой,
Чело наморщено, угрюмо,
Весь вид обманчивый и злой,
Как бы древесный ствол иссохший
И с неободранной корой.
И трепещи, - с печалью темной,
Как бы в предвиденьи невзгод,
Она протягивает руку,
И за руку меня берет,
И тут уж я - как ствол недвижимый,
И у меня по жилам - лед.
И в сердце ужас пробуждая,
И сохраняя страшный вид,
Ко мне свой голос обратила,
И яд смертельный в нем горит,
Так быстро-быстро зашептала,
И так невнятно говорит:
"Беда, несчастная, проклятье,
Неустрашимая беда!
Твоя краса ужели будет
Ценою трупа навсегда?"
Она сказала, и от скорби
Я не избавлюсь никогда.
Я не живу: а умираю.
От привиденья - беглеца
Я услышала предвещанье,
И жду зловещего конца.
О, горе, горе мне! Я буду
Ценой презренной мертвеца!

(Уходит.)

СЦЕНА 2-я

Мулей

Легко понять химеру эту,
Легко распутать этот сон.
В них образ той жестокой пытки,
К которой дух мой присужден.
Супругой будешь Таруданте,
Ему ты руку дашь свою;
Но лишь об этом я помыслю,
Как слышу в сердце смерть мою.
Но я избегну этой пытки;
С тобой не будет он счастлив,
Твоей любовью не упьется,
Меня сначала не убив.
Тебя утратить, это можно,
Но жить, утратив, – свыше сил.
Раз нужно, значит, чтоб меня он,
Пред тем как взять тебя, убил,
Так жизнь моя ценою будет,
Которой купит он тебя.
И так как я умру, ревнуя,
И негодуя, и любя,
Свершится это предсказанье,
И ты поймешь его, когда,
Меня утратив, будешь вправду
Ценою трупа навсегда.

СЦЕНА 3-я

Дон Фернандо, три пленника. – Мулей.

Первый пленник

Ты на охоту шел, Фернандо,
Тебя увидеть – радость нам,
И мы, в саду работу бросив,
Пришли припасть к твоим ногам.

Второй пленник

Решением всевышним рока
Нет радости у нас иной.

Третий пленник

И в этом милосердье неба.

Дон Фернандо

Друзья, обнимемтесь со мной.
И видит бог, когда бы мог я
Разрушить тяжкий гнет цепей,
Я вашей бы хотел свободы
Скорей и раньше, чем моей.
Но думайте, что это было
Благословением небес, -
Что мы здесь вместе муку терпим;
Просвет надежды не исчез
Для тех, кто мудростью умеет
Все злоключенья побеждать;
Перетерпите гневность рока,
И будем перемены ждать:
Судьба, жестокая богиня,
Вчера цветок, сегодня труп,
Меняясь, наш удел изменит
Усмешкою капризных губ.
О, Господи! Я понимаю,
Что дать несчастному совет
И оказать лишь словом помощь,
В том мудрости особой нет.
Но если этот раз лишь в слове
Вся помощь слабая моя,
Тут нет вины моей, простите,
Мне дать вам нечего, друзья.
Я думаю, что нам подмога
Из Португалии спешит,
И то, что прислано мне будет,
Все вам, друзья, принадлежит.
А если выкуплен из плена
Я буду, слово вам даю,
Вы все отправитесь со мною.
Работу выполнять свою
Теперь идите, чтоб хозяев
Своих не раздражать ничем.

Первый пленник

Властитель, жизнь твоя - отрада
И утешение нам всем.

Второй пленник

Живи, наш повелитель, дольше,
Чем Феникс, что живет века.
(Пленники уходят.)

СЦЕНА 4-я
Дон Фернандо, Мулей.

Дон Фернандо

Скорблю, ни с чем вас отпуская,
И велика моя тоска.
Кто им поможет!

Мулей

Здесь смотрю я,
С какой любовью ты сумел
Смягчить невольникам их участь.

Дон Фернандо

Меня печалит их удел.
Глядя, как мрачная превратность
На них свою бросает тень,
Я научаюсь быть несчастным;
И может быть настанет день,
Когда мне будет это нужно.

Мулей

Ты Принц, и думаешь о том?

Дон Фернандо

Родясь Инфантом, волей рока,
Я ныне сделался рабом:
И я отсюда заключаю,
Что если этим стать я мог,
Быть может худшее готовит
Мне в будущем неверный рок:
Между Инфантом и плененным
Длиннее путь судьбой пройден,
Чем между тем, кто просто пленник
И тем, кто более пленен.
Взывает день ко дню другому,

тоской.

И вновь зовет его другой,
Соединяя в звенья цепи,
Со скорбью скорбь, тоску с

Мулей

Моя печаль еще сильнее.
Ты ныне пленник, - день пройдет,
На родину вернувшись Принцем,
Ты будешь счастлив в свой черед:
Мое бесплодно ожиданье,
Судьба изменчивей луны,
Но перемены, улучшенья
Моей судьбе не суждены.

Дон Фернандо

Фесе,

С тех пор, как я придворный в
Ты не сказал мне ничего
О том, как любишь.

Мулей

Есть причина
Для умолчанья моего:
Хранить в глубокой тайне имя
Возлюбленной поклялся я.
Но я послушен долгу дружбы,
И от тебя не утая
То, что тебе сейчас скажу я,
Равно и клятву соблюду.
Единственной и несравненной
Считаю я мою беду;
Так, несравненной, потому что
Вне всех сравнений рождены
Моя любовь и светлый Феникс.
Мечты мои одним полны:
Мое мечтание есть Феникс,
Когда гляжу, когда молчу;
Мое страдание есть Феникс,
Когда скорблю, люблю, хочу;
Мое отчаяние - Феникс,
Когда я плачу, как в бреду;
И луч моей надежды - Феникс,
Когда со страхом счастья жду;

Моя любовь и мука – Феникс,
И если Феникс я сказал,
Как верный друг и как влюбленный,
Признался я и умолчал.
(Уходит.)

Дон Фернандо

Как он разумно изъяснился,
Учтив он так же, как влюблен.
Когда его страданье – Феникс,
Он большей скорбью огорчен.
Моя печаль – страданье многих,
Обыкновенная беда.

СЦЕНА 5-я

Царь. – Дон Фернандо.

Царь

Тебя искал я, Принц светлейший,
И потому пришел сюда.
Пока меж перлов и кораллов
Не скрылось солнце за горой,
Мне хочется, чтоб ты развлекся
Моей охотничьей игрой:
Уже устроена облава
На тигра.

Дон Фернандо

Государь, ценя,
Что ты находишь развлеченья
Ежeminутно для меня,
Скажу, что если развлекаешь
Ты так невольников своих,
Утрата родины не будет
Непоправимою для них.

Царь

Раз пленник полон тех достоинств,
Что ты в душе своей вместил,
Вполне законно и разумно
Ему служить по мере сил.

СЦЕНА 6-я
Дон Хуан. - Те же.

Дон Хуан

Иди, великий Царь, на берег
Морской, и ты с него увидишь
Наикрасивейшего зверя,
Сумевшего соединить
Искусство гордое с природой:
Там христианская галера,
Нарядная, приходит в гавань,
Хотя вся в трауре она.
И сомневаешься, как может
Веселой быть ее угрюмость,
И португальские знамена
Блистают на ее снастях;
Я думаю, что раз в неволе
Принц Португальский, эти знаки
Есть указанье, что жалеет
Она о горести его,
И потому, покрывшись черным,
Тоскуя о его пленении,
Идет вернуть ему свободу.

Дон Фернандо

О, добрый друг мой, Дон Хуан,
Не так ты объясняешь траур;
Когда б она несла свободу,
Она оделась бы, ликуя,
В одни веселые цвета.

СЦЕНА 7-я
Дон Энрике, одетый в траур,
со свернутым листом. - Те же.

Дон Энрике (к Царю)

Позволь, великий Царь, с тобою
Обняться.

Царь

Доброе прибытье,

Светлейший Принц.

Дон Фернандо

Так значит верно,
Что осужден я, Дон Хуан!

Царь

Мулей, так значит совершилось
Мое заветное желанье!

Дон Энрике

Теперь, когда благополучным
Тебя я вижу, мне позволь,
О, государь, обняться с братом.
Фернандо!

(Они обнимаются.)

Дон Фернандо

Милый мой Энрике!

Что означает этот траур?
Но, впрочем, нет, не говори:
Твои глаза сказали столько,
Что бесполезным было б слово.
Не плачь. Коль ты пришел сказать

мне,

Что я невольник навсегда,
В том высшее мое желанье:
Ты мог бы требовать награды
За вести добрые, и вместо
Того, чтоб траур надевать,
Одеться пышно, как на праздник,
И ликовать. Как поживает
Король, мой добрый повелитель?
Скажи лишь мне, что он здоров, —
Я счастлив. Ты не отвечаешь?

Дон Энрике

Коль повторенные страданья
Нам доставляют боль двойную,
Пусть сразу их узнаешь ты.

(К Царю.)

И ты, великий Царь, внимай мне:

я,

Хоть этот горный склон нам будет
Дворцом пустынным, здесь, прошу

Аудиенцию мне дай,
И пленнику отдай свободу,
Услышавши такие вести.
Вся разгромленная армада,
Что в тщетной гордости своей
Была для волн тяжелой ношей,
Инфанта в Африке оставив
Заложником переговоров,
Пошла печально в Лиссабон.
И как услышал Эдуарте
Трагические эти вести,
Печаль к нему внедрилась в

сердце,

И то, что было лишь тоской,
Преобразилось в летаргию,
И, опровергнув говорящих,
Что от тоски не умирают,
Скончался добрый наш Король.
Да будет он допущен в небо!

Дон Фернандо

О, горе мне! Так много стоил
Ему мой плен?

Царь

Аллаху зримо,
Как тягостна мне эта весть.
Но продолжай.

Дон Энрике

Король покойный
Распорядился в завещаньи,
Чтобы за выдачу Инфанта
Вам Сеута была сдана.
И с полномочьем от Альфонсо,
Который нам, взамену солнца,
Явился пышною денницей,
Я прихожу, чтоб город сдать:
И так как...

Дон Фернандо

Замолчи, довольно,
Ни слова более, Энрике:
Слова такие недостойны,
Их неприлично говорить
Ни Португальскому Инфанту,
Ни христианскому Маэстре,
Ни даже подлому и злому,
Кто в мире как дикарь живет,
Не ведая христовой веры,
Сияющей лучом бессмертным.
Мой брат, что сопричислен к небу,
Пред смертью это завещал
Не для того, чтоб исполнялось
Дословно это повеленье,
А для того, чтоб показать вам,
Что хочет воли он моей,
Чтоб, значит, вы мою свободу
Другими средствами искали,
Другим, жестоким или мирным,
Неукоснительным путем.
Сказавши: "Сеуту отдайте", -
Он завещал вам: "Предпримите
Что только можно, и усилья
Пусть и до этого дойдут".
Но как же можно, как же можно,
Чтоб христианский, справедливый
Король отдать решился мавру
Тот город, что им куплен был
Своею кровью, потому что
Лишь со щитом и шпагой, первый,
Он утвердил свои знамена
На боевых его зубцах?
И главное еще не в этом:
Сдать мавру город, заслуживший,
Чтоб католическая вера
В нем торжествующей была,
И в храмах умолявший Бога,
С благоговеньем и любовью?
Да разве это было б делом,
Достойным честных христиан,
И соблюденьем правил веры,
И христианским милосердьем,
И бранной славой португальской,
Чтобы Атланты вышних сфер,
Чтобы возвышенные храмы,
На место светов золотистых,

В которых луч играет солнца,
Прияли мусульманский мрак,
И чтоб враждебные им луны,
Родив подобные затмения,
В церквах осуществляли ужас
Таких трагедий роковых?
Так значит это будет благом,
Чтоб храмы превратились в хлевы,
Часовни сделались конюшней,
Иначе, ежели не так,
Чтоб обратились в мечети?
И тут язык мой умолкает,
Тут пресекается дыханье,
Тут мукою я удушен:
Лишь при одной подобной мысли
Готово сердце разорваться
И волосы восстали дыбом,
И телом овладела дрожь.
То было бы не первым разом,
Что хлев и ясли оказались
Гостеприимными для Бога;
Но раз мечети, в них для нас
Навеки будет знак позорный,
И надпись нашего бесславья,
Гласящая: "Здесь Бог когда-то
Имел жилище, а теперь
Его прогнали христиане,
И помещен здесь ими Дьявол".
И даже это позабыто,
(Как общий приговор гласит)
Что в дом чужой никто не входит,
Чтобы, хозяина обидеть, -
Так разве будет справедливо,
Чтоб в Божий Дом вошел порок,
И нами был сопровождаем,
И мы, чтоб он вошел вернее,
Ему посторожили двери,
А Бога выкинули вон?
Католики, что пребывают
С своими семьями, с богатством,
В том городе, быть может станут,
Чтоб только их не потерять,
Трусливо отпадать от веры.
И мы доставим им возможность
Впадать в соблазн греха такого?
И будут дети христиан
Перенимать у мавров нравы,

И подчиняться их обрядам,
И жить сочленами их секты?
И столько жизней дорогих
Из-за одной, совсем ничтожной,
Должны погибнуть безвозвратно?
Но кто же я? Ужели больше,
Чем просто смертный человек?
Коль быть Инфантом – умножает
Мое значение, я – пленный:
Невольник притязать не может
На пышность почестей; я – раб:
И значит, тот впадет в ошибку,
Кто назовет меня Инфантом.
Так кто ж распорядиться может,
Чтоб жизнь единого раба
Такой ценою окупилась?
Кто умирает, тот теряет
Свою физическую цельность {1},
Ее я в битве потерял:
Раз потерял, так значит умер:
Раз умер, было бы деяньем
С разумной мыслью несовместным,
Чтоб ныне ради мертвеца
Навек погибло столько жизней.
Так пусть же это полномочье
Разорвано на части будет,
И станет искрами огня,
И станет атомами солнца.

(Разрывает полномочие, которое привез

Энрике.)

Но нет, я съем обрывки эти,
Да не останется ни буквы,
Способной миру возвестить,
Что мысль подобная возникла
В умах у знати лузитанской {2}.
Царь, я твой раб, распоряжайся
Своим слугой, повелевай;
Я не хочу своей свободы,
Ей обладать не в состояньи.
Вернись на родину, Энрике:
Скажи, что в Африке меня
Оставил ты похороненным,
Затем что жизнь моя отныне
Во всем подобна будет смерти.
Фернандо, христиане, мертв;
Остался вам невольник, мавры;
Для ваших, пленники, страданий

Прибавился товарищ ныне;
О, небо, смертный человек
Твои восстанавливает церкви;
О, море, скорбный умножает
Рыданием твои пучины;
О, горы, темный к вам пришел,
Чтоб жить средь вас, как ваши

звери;

О, ветры, нищий удвоет
Дрожаньем крика ваши Сферы;
Во мгле глубин твоих, земля,
Себе мертвец могилу роет;
Чтоб все вы, Царь, и брат, и

мавры,

И христиане, и созвездья,
И небо с морем и с землей,
И солнце, и луна, и горы,
И звери дикие узнали,
Что ныне, между злоключений
И бедствий, некий стойкий принц
Возвысил свет христовой веры
И оказал почтенье Богу:
И если б не было другого
Мне основания, как то,
Что в Сеуте одна есть церковь
Во имя вечного Зачатья
Владычицы земли и неба,
Я б сотни жизней потерял,
Чтоб лишь она не потерялась.

Царь

Неблагодарный, безучастный
К моей победоносной славе,
К величью царства моего,
Как ты дерзаешь отказать мне
В моем желанье самом сильном?
Но если ты в моих владеньях
Сильнее правишь, чем в своих,
Что ж тут мудреного, что рабства
Ты не почувствовал? Но если
Себя моим рабом признал ты,
С тобой я буду как с рабом:
Твой брат и все твои пусть видят,
Что как невольник самый подлый
Теперь ты ноги мне целуешь.

Царь

Повиновения закон
Тебе не говорит ли ясно,
Что должен ты повиноваться?
Так я тебе повелеваю
Сдать город.

Дон Фернандо

Небо нам велит,
Чтоб раб всегда повиновался
Хозяину лишь в справедливом;
А ежели рабу хозяин
Прикажет, чтобы он грешил,
Его он слушаться не должен;
Грех, сделанный по приказанью,
Есть грех.

Царь

Тебя велю убить я.

Дон Фернандо

И будет жизнью эта смерть.

Царь

Так чтобы жизнью смерть не стала,
Живи, всечасно умирая;
Узнай, что я могу быть гневен.

Дон Фернандо

А я пребуду терпелив.

Царь

Но ты не выйдешь на свободу.

Дон Фернандо

Но Сеута твоей не будет.

Царь

Эй, кто там!

СЦЕНА 8-я
Селин, Мавры. - Те же.

Селин

Государь...

Царь

Немедля
Пусть будет этот раб сравнен
Со всеми: пусть ему на шею
И на ноги наденут цепи;
Пусть служит он в моих конюшнях,
Пускай работает в садах,
Как все, пусть терпит униженья,
Отбросив шелковый наряд свой,
Пускай он ходит в грубой сарже,
Ест черный хлеб и воду пьет
Солено-грязную; пусть спит он
В удушливых сырых темницах;
На слуг его и на вассалов
Наложен тот же приговор.
Взять их отсюда.

Дон Энрике

О, мученье!

Мулей

О горе!

Дон Хуан

О, беда!

Царь

Увидим,
Увидим, варвар, что сильнее,
Твое ль терпенье, мой ли гнев.

Дон Фернандо

Увидишь; потому что будет
Мое терпенье бесконечным.
(Его уводят.)

Царь

Энрике, верный обещанью,
Я позволяю, чтобы ты
Вернулся в Лиссабон свободно;
От африканских вод отправься
К своим сородичам, скажи им,
Что португальский их Инфант,
Маэстро Ависа, остался
За лошадьми ходить моими;
Пускай они сюда приходят
Освободить его.

Дон Энрике

Придут.
И если я в его несчастье
Его теперь не утешаю
И уйду, так это только
Лишь потому, что я хочу
Сюда вернуться с большей силой,
Чтобы вернуть ему свободу.

Царь

Прекрасно, если только сможешь.

Мулей (в сторону)

Явился случай, наконец,
За прямодушье - прямодушьем
Платя, представить верность

дружбе;

Фернандо я обязан жизнью,
Ему я выплачу свой долг.

СЦЕНА 9-я
Сад.

Селин; Дон. Фернандо, как пленник, в
цепях;

потом пленники.

Селин

Царь приказал, чтоб ты работал
С другими вместе, здесь в саду.
Его веленью повинуйся.

(Уходит.)

Дон Фернандо

Я снисхождения не жду.
(Входят несколько пленников, и в то

время

как они роят в саду, один из них поет.)

Первый пленник (поет)

На фесского тирана
Король направил брата,
Инфанта, Дон Фернандо,
Чтоб покорить Танжер.

Дон Фернандо

И будет так вставать

воспоминаньем

Моя судьба в томительных мечтах.
Во мне печаль и горькое смущенье.

Второй пленник

слезах?

О чем ты, пленник, думаешь в

маэстре,

Не плачь, утешься, нам сказал

Что скоро все вернемся мы домой,
Он всех освободит нас из неволи.

Дон Фернандо (в сторону)

мечтой!

Как скоро вы расстанетесь с

Второй пленник

ведра

Утешься, брат, возьми-ка эти

И принеси воды мне из пруда
Полить цветы.

Дон Фернандо

всегда.

Охотно и немедля,
Я в этом вам готов служить

глаз.

Моя забота, в сердце скорби сея,
Прольет потоки быстрых слез из

(Уходит.)

Третий пленник

Еще пригнали пленников работать.

СЦЕНА 10-я

Дон Хуан и второй пленник. - Те же.

Дон Хуан

был он,

Быть может, здесь его на этот раз
Увидим мы: в саду, быть может,

отрадой

И узники укажут мне его.
С ним вместе быть - явилось бы

поможет

Для горького мученья моего.
Скажи, приятель, мне, и да

Тебе Господь! ты не видал в саду
Среди рабов маэстре Дон Фернандо?

Второй пленник

Нет, не видал.

Дон Хуан

Где ж я его найду?
О, горе мне!

Третий пленник

Я говорю, что новых
Еще пригнали пленников сюда.

СЦЕНА 11-я

Дон Фернандо, с двумя ведрами воды. -
Те же.

Дон Фернандо

видеть,
О, смертные, да не смутит вас

Какая мне ниспослана беда;
Инфант, маэстре Ависа, являет
Пример того, как переменчив рок.

Дон Хуан

Властитель и в таком убогом виде.
О, если бы тебя спасти я мог!
Несчастье!

Дон Фернандо

скрытно,
Прости тебя Всевышний!
О, Дон Хуан, ты огорчил меня:
Среди своих мне жить хотелось
Работая как раб день изо дня.

Второй пленник

Прощения, сеньор, прошу смиренно.
С тобою говорил я как слепой.

Первый пленник

властитель.
Дай нам припасть к твоим ногам,

Дон Фернандо

со мной?
Встань, друг. Зачем так говорить

Дон Хуан

Светлейший Принц...

Дон Фернандо

Как может

быть светлейшим -

Чья жизнь такую тьмой окружена?
Я равный, с вами, пленник между

пленных,

Мне та же доля, что и вам, дана.

Дон Хуан

О, если б с неба молния упала,
Чтоб дать мне смерть!

Дон Фернандо

Как можно, Дон Хуан,
Чтоб благородный так в печаль

вдавался?

Обетованья неба не обман.
Как раз теперь должны явить мы

храбрость,

Все мужество душевной высоты.

СЦЕНА 12-я

Сара, с небольшой корзиной. - Те же.

Сара

Выходит в сад моя сеньора,

Феникс,

И говорит, чтоб краски и цветы
Украсили края корзины этой.

Дон Фернандо

Всегда служить ей первый я готов,
Дай мне корзину, я ее украшу.

Первый пленник

Пойдемте и нарвем скорей цветов.

Сара

Я здесь вас подожду пока.

Дон Фернандо

Не

нужно

Считать меня особым между вас:
Равны страданья, и не нынче,

завтра

Сравняет всех последний смертный

час.

Не будем же откладывать до завтра
То, что сегодня можно довести
До ясного конца.

(Уходит Инфант, и все уступают ему

дорогу.

Сара остается.)

СЦЕНА 13-я

Феникс, Роза, Сара.

Феникс

Ты, Сара,
Цветов велела принести?

Сара

Велела.

Феникс

Мне хотелось красок,
Чтоб развлеклась моя тоска.

Роза

Поверить просто невозможно,
Что так, сеньора, велика
Твоя печаль, - что дух твой может
Быть сновидением смущен.

Сара

Что так могло тебя встревожить?

Феникс

То, что я видела, не сон,
Раз мне привиделось несчастье.
Когда несчастный видит клад,
Я знаю, Сара, он исчезнет
И не воротится назад;
Но если он во сне увидел,
Что на него идет беда,
Он, пробудившись, видит горе,
Его томящее всегда.
Я от судьбы не жду пощады,
Она гнетет нас без конца.

Сара

Ну, если так скорбеть ты будешь,
Что ж сохранишь для мертвеца?

Феникс

Уж чувствую свое несчастье.
Какая пытка мне дана!
Как веселиться мне, когда я
Ценою трупа быть должна?
Хотя бы только знать могла я,
Кто будет этот мертвый?

СЦЕНА 14-я

Дон Фернандо, с цветами. - Феникс,
Сара, Роза.

Дон Фернандо

Я.

Феникс

Что вижу? Небо!

Дон Фернандо

Чем смутиться
Так вдруг могла душа твоя?

Феникс

И голосом твоим, и видом.

Дон Фернандо

Поверю и без всяких слов.
Но чтоб служить тебе, о, Феникс,
Я приношу тебе цветов.
Моей судьбы гиероглифы,
Они родилися с зарей,
И вместе с светлым днем

скончались.

Феникс

Вот этот нежно золотой
Цветок названье носит чуда.

Дон Фернандо

Какой цветок не будет им,
Раз для тебя он мною сорван?

Феникс

Он служит образом твоим.
Кто ж создал эту перемену?

Дон Фернандо

Мой рок.

Феникс

Так непреклонен он?

Дон Фернандо

Так силен.

Феникс

Твой удел мне страшен.

Дон Фернандо

Пусть не тревожит он твой сон.

Феникс

Но почему?

Дон Фернандо

А потому что,
Рождаясь, человек всегда
Есть раб судьбы своей и смерти.

Феникс

Скажи, ведь ты Фернандо?

Дон Фернандо

Да.

Феникс

Кто ж так судьбу твою принизил?

Дон Фернандо

Закон раба.

Феникс

Кем создан он?

Дон Фернандо

Царем.

Феникс

Зачем?

Дон Фернандо

Затем что, Феникс,

Его я власти подчинен.

Феникс

Сегодня он тебя не любит?

Дон Фернандо

Ко мне исполнен он вражды.

Феникс

Возможно ли, чтоб в день короткий
Могли расстаться две звезды?

Дон Фернандо

беспечной,

мглой,

млечной

людской.

быстротечный.

наши:

С веселостью, и пышной, и

Цветы проснулись утренней зарей.
Настала ночь, и вот, с холодной

Их сон объял, непробудимо вечный.
В них с золотом и с белизною

Играла злость радужной игрой.
И тускло все. Вот лик судьбы

Так много день уносит

С рассветом ранним розы расцвели
И умерли: в одной и той же чаше
И колыбель и гроб себе нашли.
Так точно мы, рожденные в пыли,
В единый день свершаем судьбы

Столетия - час, когда они прошли.

Феникс

Ты мне внушаешь страшный ужас,
Мне страшен вид и голос твой;
Будь первым горестным, с которым
Не хочет вместе быть другой.

Дон Фернандо

А что ж цветы?

Феникс

Раз ты нашел в них
Узорный знак твоей тоски,
Могу я только оборвать их
И разбросать их лепестки.

Дон Фернандо

Но в чем же их вина?

Феникс

В их

сходстве

С созвездьями.

Дон Фернандо

Скажи, а ты
Не любишь их?

Феникс

Мне нет отрады
В сияньи звездной красоты.

Дон Фернандо

Но почему?

Феникс

Родившись в мире
Как женщина, я навсегда
Раба своей судьбы и смерти,
Так мне велит моя звезда.

Дон Фернандо

Цветы и звезды значит сродны?

Феникс

Конечно.

Дон Фернандо

Волей их – скорбя,
Такого свойства их не знал я.

Феникс

Узнай.

Дон Фернандо

Я слушаю тебя.

Феникс

Те брызги света, сеть их огневая
Есть смесь лучей и скрытых темных

снов,

Приняв от солнца светлый свой

покров,

Они живут, блистая и страдая.

Цветы ночные. Их краса живая

Горит огнем лишь несколько часов;

И если день – столетье для

цветов,

То ночь для звезд – их мера

вековая.

И к нам от этой призрачной весны

Струится боль, и радостные сны, –

Живет ли солнце, или догорает.

Какой же не дождемся мы беды,

Что прочного получим от звезды,

Что на ночь вспыхнув – за ночь

умирает.

(Феникс, Сара и Роза уходят.)

СЦЕНА 15-я

Мулей. – Дон Фернандо.

Мулей

Я ждал, чтоб Феникс удалилась,

И здесь стоял среди деревьев:

Орел, всегда влюбленный в солнце,

Порой стремится от него.

Мы здесь одни?

Дон Фернандо

Одни.

Мулей

Послушай.

Дон Фернандо

Скажи, Мулей, свое желанье.

Мулей

Хочу, чтоб ты узнал сегодня,
Что и у мавра есть в груди
И преданность и верность дружбе.
Не знаю, как начать; не знаю,
Как выразить тебе сумею
Все огорчение мое
При виде этой перемены
К тебе презрительного рока,
При виде этой притчи миру
И злой неверности судьбы.
Но я опасности подвержен,
Когда меня с тобой увидят,
С тобой сурово обращаться
Есть повеление Царя.
И голос предоставив скорби,
Которая сумеет лучше,
Как раб, с тобою изъясниться,
Я падаю к твоим ногам.
Инфант, тебе принадлежу я,
И я не милость предлагаю,
А только возвращаю долг свой,
Который ты мне дал взаймы.
Ты дал мне жизнь, ее тебе я
Пришел отдать теперь; затем что
Добро есть клад, что бережется
До дня, когда придет нужда.
И так как страх меня смущает
И сжал мне ноги кандалами,
И так как грудь моя и шея
Между веревкой и ножом,
Беседу нашу сокращая,

Все выскажу тебе я сразу,
И говорю, что нынче ночью
Тебя у взморья ждет судно.
Через отверстия подземелий,
Где ваши мрачные темницы,
Я вам заброшу инструменты,
Чтоб цепи вы могли сломать.
Снаружи отомкну засовы,
И ты со всеми, сколько в Фесе
Есть пленных, можешь удалиться
На том судне в родимый край,
Вполне уверенный, что в Фесе
Я в безопасности остался, -
Легко мне будет так устроить,
Как будто заговор был ваш;
Итак с тобой спасем мы оба:
Я честь, ты жизнь; а если б даже,
О помощи моей узнавши,
Меня казнил во гневе Царь,
Не стал бы я жалеть о жизни.
И так как, чтоб склонять хотенья,
Иметь необходимо деньги,
Возьми сокровища мои,
За них тебе заплатят много.
И это выкуп мой, Фернандо,
За возвращенье мне свободы.
Мой долг тебе был так велик,
Что рано ль, поздно ль, было

нужно

Его отдать во имя чести.

Дон Фернандо

Благодарить тебя хотел бы,
Но, вижу, в сад выходит Царь.

Мулей

Тебя он видел?

Дон Фернандо

Нет.

Мулей

Не дай же

Ему предлога к подозренью.

Дон Фернандо

Я спрячусь между этих веток,
А он тем временем пройдет.

СЦЕНА 16-я

Царь. - Мулей.

Царь (в сторону)

(Мулей с Фернандо; говорили
С такой опаской, и как только
Меня увидели, сейчас же
Один уходит, а другой
Желает что-то скрыть. Мне надо
Бояться. Верно иль неверно,
Мне страх грозит, приму же меры.)
Я очень рад...

Мулей

Великий Царь,
Дай мне обнять твои колена.

Царь

С тобой побыть.

Мулей

Что повелишь мне?

Царь

Меня глубоко огорчило,
Что Сеута мне не сдана.

Мулей

Ты победителен и силен,
Поди на приступ, город сдастся.

Царь

Он будет мой без траты крови.

Мулей

Каким же образом?

Царь

Таким:

Фернандо так хочу принизить,
Что Сеуту он сам отдаст мне.
И знаешь что, Мулей, боюсь я,
Маэстре ненадежен здесь.
Его увидя в униженьи,
Пожалуй, пленники стакнутся,
И всей толпою возмутятся,
Из сострадания к нему.
А сверх того и очень сильно
В сердцах людей корыстолюбье;
Весьма легко он может златом
Вниманье стражей усыпить.

Мулей (в сторону)

(Теперь мне выгоднее будет
Сказать, что все это возможно,
Чтобы не мог иметь позднее
Он подозрений на меня.)
Твой страх вполне благоразумен:
Они наверно пожелают
Освободить его.

Царь

Одно лишь
Нашел я средство, чтоб никто
На власть мою не покусился.

Мулей

И это средство, государь мой?

Царь

Чтоб о надежности Инфанта
Ты позаботился, Мулей.
Ты ни боязнью, ни корыстью

Никак не можешь быть подкуплен.
Так будь его главнейшим стражем,
Смотри же, сбереги его.
И что бы с Принцем ни случилось,
Ты дашь отчет мне.
(Уходит.)

Мулей

Нет сомненья,
Царь слышал, как мы говорили.
Да не предаст меня Аллах!

СЦЕНА 17-я
Дон Фернандо. - Мулей.

Дон Фернандо

О чем скорбишь?

Мулей

Ты слышал?

Дон Фернандо

Слышал.

Мулей

Так как же спрашивать ты можешь,
О чем скорблю, когда в смущеньи
Стою меж другом и Царем?
Во мне столкнулись честь и

дружба:

Когда тебе я буду верен,
Пред ним изменником я буду;
А верность сохраню пред ним,
С тобой неблагодарным буду.
Что ж делать? (Небо, помоги мне!)
Кого хочу освободить я,
Мне доверяют охранять.
Что если Царь владеет тайной?
Но чтоб найти вернее выход,
Я у тебя прошу совета:

Скажи, что должен делать я.

Дон Фернандо

Мулей, любовь и дружба ниже,
Чем честь и верность государю.
Царю никто ни в чем не равен,
Лишь равен он один себе.
Вот мой совет: ему ты должен
Служить и обо мне не думать;
Я друг твой, и во имя дружбы,
Чтоб сохранилась честь твоя,
Сам за собой смотреть я буду;
И если б кто другой сказал мне,
Что предлагает мне свободу,
Не принял бы я жизнь свою,
Покуда честь твоя со мною.

Мулей

Фернандо, не давай советов
Учтивых столь же, сколько верных.
Я знаю, что мой долг тебе
Есть жизнь, и что платить я

должен;

Итак я ночью все устрою,
Как мы с тобою говорили.
Освободись, и жизнь твою
Я искуплю своею смертью;
Лишь только б ты освободился,
Мне после ничего не страшно.

Дон Фернандо

И было б честно, чтобы я
Жестоким был и беспощадным
С тем, кто со мною милосерден,
И чтоб того, кто жизнь дает мне,
Жестоко чести я лишил?
Нет, и тебя хочу я сделать
Судьей моей судьбы и жизни:
Теперь и ты мне посоветуй.
Возможно ль взять мне от того
Свою свободу, кто потерпит
За это кару? Допустит ли,
Чтоб он, ко мне великодушный,
Убийцей чести был своей?

Что посоветуешь?

Мулей

Не знаю.

Ни да, ни нет сказать не смею:
Нет, потому что будет больно
Мне самому; да, потому
Что если да тебе промолвлю,
Пожалуй, я и сам увижу,
Что мой совет не подходящий.

Дон Фернандо

Нет, ты мне должный дал совет.
Благодаренье, потому что
Во имя Бога и закона,
Которые владеют мною,
Я буду в рабстве стойкий принц.

ХОРНАДА ТРЕТЬЯ

Зал в летнем помещении Мавританского
Царя.

СЦЕНА 1-я
Мулей, Царь.

Мулей (в сторону)

(Так много Царь поставил стражей
Над Дон Фернандо, что его
Спасти я больше не надеюсь.
Во имя долга моего,
Как верный друг, я постараюсь
Ему помочь по мере сил.)
Властитель, в море и на суше,
Ты знаешь, я тебе служил,
И если милости достоин,
Услышь...

Царь

Внимаю и молчу.

Мулей

Фернандо...

Царь

Более ни слова.

Мулей

Не хочешь слушать?

Царь

Не хочу.

Раз только назвал ты Фернандо,
Меня ты этим оскорбил.

Мулей

Но чем же?

Царь

Тем, что дал мне

случай

Не дать того, о чем просил.
А дать нельзя, когда ты просишь
За Принца.

Мулей

Как же, раз его
Мне поручил ты, не желаешь
Отчета слышать моего?

Царь

Я слушаю; но состраданья
Не жди.

Мулей

Немилосердный рок
Фернандо истерзал настолько,
Что мир, чьи клички есть намек,

Дивясь таким страданьям, назвал
Его чудовищем судьбы;
Твой гнев изведав и суровость,
В таком неравенстве борьбы,
В несчастность бедствий

вовлеченный,

Предав скорбям свой смелый дух,
В том месте, что назвать боюсь я,
Дабы не оскорбить твой слух,
Недужный, нищий, параличный,
Сраженный мужеством своим,
Он просит милостыни жалкой
У проходящих перед ним;
Ты повелел, чтоб он работал,
Чтоб был преследуем людьми,
Чтоб спал в угрюмых подземельях,
Чтобы ходил за лошадьми,
Чтобы узнал, что значит голод, -
И обездоленный во всем,
И слабый раньше от природы,
Он был разбит параличом.
Так сила бедствий исказила
Его прекрасный царский вид.
Холодной ночью, черной ночью,
Он в мрачном подземельи спит.
Но, стойкий в вере неизменно,
Упорствует, как прежде, в ней,
И чуть, родитель утра, солнце,
Зажжет огни своих лучей,
Как узники (о, горе, горе!)
Циновку жалкую берут,
Недужного несут на воздух,
И - как мне вымолвить? - кладут
На место, что навозной кучей
Должны назвать мы: оттого
Что так он болен, стал он

смерден;

Никто у дома своего
Ему лежать не позволяет;
Все гонят нищего, и он,
Без состраданья, без вниманья,
Лежит, мученьем удручен.
И лишь один слуга и рыцарь
Его не кинули в беде.
Стараются его утешить,
Ему сопутствуют везде,
Они с ним пищу разделяют,

Хотя ее и одному
Едва хватает, и от мавров
Гоненья терпят, потому
Что, повинясь милосердью,
Инфанту служат. Но и гнев,
И беспощадную жестокость
Неоднократно претерпев,
Они его не покидают.
И каждый раз, когда идет
Один на поиски за пищей,
Другой при нем сидит, и ждет,
И страждущего утешает.
Смягчи же гнев свой, государь,
Будь, коль не жалостию тронут,
Так ужасом, о, сильный Царь,
Коль не слезами, изумленьем.

Царь

Ты кончил? Хорошо, Мулей.

СЦЕНА 2-я
Феникс. - Те же.

Феникс

Властитель, если заслужила
Я что-нибудь в любви твоей,
О милости я умоляю.

Царь

В чем отказать тебе могу?

Феникс

Фернандо...

Царь

Более ни слова.
Могу ли я помочь врагу?

Феникс

Внушает ужас всем, кто видит

Маэстре в низости такой;
И я просить хотела только...

Царь

Стой, Феникс, замолчи же, стой.
Скажи мне, кто велит Фернандо
Идти за гибелью вослед
И умирать злосчастной смертью?
Мое ли в том желанье? Нет.
Когда во имя веры предал
Он сам себя скорбям таким,
Зови его - к себе жестоким,
А не меня - жестоким с ним.
В его руке возможность выйти
Из этой низости на свет:
Пусть только Сеуту отдаст мне,
Он вдруг избавится от бед.

СЦЕНА 3-я
Селин. - Те же.

Селин

Перед тобой предстать желают
Посланники, о, Царь великий:
Один пришел от Таруданте,
Из Португалии другой,
По поручению Альфонсо.

Феникс (в сторону)

Какая скорбь с моей сравнится?
Пришли за мной от Таруданте,
Сомнения не может быть.

Мулей (в сторону)

Я потерял свою надежду,
Убит я ревностью и дружбой.

Царь

Пускай войдут.

(Селин уходит.)

Со мною, Феникс,

На этом возвышеньи сядь.
(Они садятся.)

СЦЕНА 4-я

Дон Альфонсо и Таруданте,
входят с разных сторон. - Те же.

Таруданте

Властитель Феса благородный...

Дон Альфонсо

Царь Феса гордый и могучий...

Таруданте

Ты светлой славой...

Дон Альфонсо

Светлой

ЖИЗНЬЮ.

Таруданте

Не умирай...

Дон Альфонсо

Всегда живи...

Таруданте (к Феникс)

И ты, заря такого солнца...

Дон Альфонсо

Восток подобного заката...

Таруданте

Блаженствуй вопреки столетий...

Дон Альфонсо

И царствуй вопреки времен...

Таруданте

И упивайся...

Дон Альфонсо

Услаждайся...

Таруданте

Великой радостью...

Дон Альфонсо

Хвалами...

Таруданте

Высоким счастьем...

Дон Альфонсо

Нежным

блеском...

Таруданте

С немногим злом...

Дон Альфонсо

С большим

добром.

Таруданте

Христианин, как ты дерзаешь
Там говорить, где говорю я?

Дон Альфонсо

Где бы ни был я и с кем бы ни

был,

Везде я первый говорю.

Таруданте

Раз я из племени арабов,
Мне надлежит теперь быть первым;
Где есть свои, для чужеземцев
Не может предпочтенья быть.

Дон Альфонсо

Нет, может, там, где понимают
Учтивость; потому что всюду,
Как постоянно можем видеть,
Сидит на лучшем месте гость.

Таруданте

Будь даже это основаньем,
Ты победить меня не мог бы;
Не правом речи обладает,
А только первым местом гость.

Царь

Довольно. Оба здесь садитесь.
Пусть начинает португалец:
Как представителя другого
Закона, мы должны принять
Его с почетом наибольшим.

Таруданте (в сторону)

Я пристыжен.

Дон Альфонсо

Я буду краток:
Король Альфонсо Португальский,
Чья слава, пышная, как свет,
В насмешку зависти и смерти,
Живет в вещаньях громких бронзы,
Тебе привет свой посылает,
И говорит: ввиду того,
Что сдача Сеуты – условие
Освобождения Фернандо,
И от свободы Принц отрекся,
Условье это не приняв,
Тебя определить он просит

СТОИТЬ

Цену его освобожденья
В таких размерах, чтобы алчность
Пред щедростью смирила дух.
Он серебром тебе и златом
Даст столько, сколько могут

Два города. Итак об этом
Он просит дружески тебя,
Но если Принца не отдашь ты,
Тебе дает он обещанье
Освободить его оружием,
И с этой целью создает
На легкой пенной влаге моря
Готовый в путь плавучий город
Из тысячи вооруженных
Непобедимых кораблей,
Клянясь, что он огнем и кровью
Освободит его из плена
И победит тебя, оставив
Окровавленными поля,
Настолько, чтобы солнце утром,
Увидев землю изумрудом,
Ее с закатом покидая,
Увидело сплошной рубин.

Таруданте

Хоть я посланник, и ответа
Не от меня ты ожидаешь,
Христианин, но я осмелюсь,
Во имя моего Царя,
Тебе ответить, потому что
Его коснулось оскорбленье:
Властителю, что перед нами,
Он повинуется, как сын.
Так пусть же знает Дон Альфонсо,
Что именем его он вызван
Сюда явиться в срок не большой,
Чем от зари и до зари,
И столько алых жарких красок
На этих узрит он равнинах,
Что небо самое промолвит:
"Весь мир сегодня - из гвоздик".

Дон Альфонсо

равным,

Когда бы, мавр, ты был мне

Свестись могла бы эта битва
К единоборству роковому
Двух славных юных. Но скажи,
Скажи, чтоб вышел твой

властитель,

Коль он на славу притязает;
А я так сделаю, что выйдет
Немедленно на битву – мой.

Таруданте

Себя почти ты обнаружил,
А если это так, сумеет
Тебе ответить Таруданте.

Дон Альфонсо

На поле битвы жду тебя.

Таруданте

И будешь ждать меня недолго,
Лечу, я молния.

Дон Альфонсо

Я ветер.

Таруданте

Я огненный вулкан.

Дон Альфонсо

Я гидра.

Таруданте

Я гнев неистовства.

Дон Альфонсо

Я смерть.

Таруданте

Меня ты слышишь - и не в страхе?

Дон Альфонсо

Меня ты видишь - и не умер?

Царь

Владыки, в гневе вы расторгли
Завесы, чьею тьмою был скрыт
Лик солнца от очей нескромных.
В моей земле - меж вами битвы
Не быть без моего согласия,
А я отказываю в нем,
Дабы иметь досуг - принять вас
И угостить с почетом должным.

Дон Альфонсо

Гостеприимства не приемлю
От тех, кто мне наносит боль.
Сюда пришел я за Фернандо:
Желание его увидеть
Меня заставило явиться
Вот так переодетым в Фее:
Но прежде, чем туда дошел я,
Узнав, что здесь ты, в летнем

замке,

Я поспешил сюда, влекомый
Надеждой, звавшей меня,
И так как вижу, что надежда
Меня звала сюда обманно,
Узнай, властитель, что теперь я
Лишь твоего ответа жду.

Царь

Ответа? Что ж, король Альфонсо,
Он будет не речист и ясен:
Не дашь мне Сеуту - не бойся,
Инфанта ты не увезешь.

Дон Альфонсо

Итак, война. Со мной он будет!
А ты, посол, иль кто б ты ни был,

Увидимся на поле битвы.
Теперь вся Африка дрожи!
(Уходит.)

СЦЕНА 5-я

Царь, Феникс, Мулей, Таруданте.

Таруданте

Не мог достичь я до сегодня,
О, Феникс нежная, блаженства
Служить тебе как твой невольник,
Быть может, заслужу теперь
Блаженство пред тобой склониться
И, пав к ногам твоим покорно,
Просить, чтоб руку ты дала мне
В обмен поверженной души.

Феникс

Пусть победительный властитель
Вниманье там не расточает,
Где чувствуют к нему почтение,
Пусть цену знает он свою.

Мулей (в сторону)

Кто это видит пред собою
И сам себя не убивает,
Чего он ждет?

Царь

Владыка светлый,
Не знал я, что идешь ты в Фее,
Итак, прости, что принимаю
Тебя не с пышностью достойной.

Таруданте

Мое отсутствие могу я
Продлить на самый краткий срок;
И если, как мы предположим,
Посланник мой сюда явился,
Чтоб увезти мою супругу,
Как соизволил ты решить,

Пусть самоличное прибытье
В вину мне вменено не будет,
И пусть увижу я скорее
Свершенье счастья моего.

Царь

Во всем меня ты побеждаешь:
Твой долг тебе уплачен будет,
Ты должен быть освобожденным
От этих мыслей и забот,
И так как нам грозят войною,
Ты должен поспешить с отъездом,
Не то пересечет проходы
Прибытье португальских войск.

Таруданте

войском,

Мне все равно, я с сильным

Так численны мои отряды,
Что все окрестные равнины
Как смута людных городов:
Я возвращусь во всеоружьи,
Чтоб быть твоим солдатом верным.

Царь

Мы поспешить должны, однако,
С твоим отъездом. Только в Фее
Должна прибыть сначала Феникс,
Дабы украсить этот город.
Мулей!

Мулей

Великий Царь!

Царь

Со стражей
Ты будешь Феникс провожать,
И по прибытии на место
Ты передашь ее супругу.

Мулей (в сторону)

Лишь этого недоставало
Для завершенья бед моих:
Когда меня не будет в Фесе,
Последнюю свою поддержку
Со мной Фернандо потеряет,
И будет вовсе одинок.
(Уходят.)

СЦЕНА 6-я
Улица в Фесе.

Дон
Дон Хуан, Брито и другие пленники, выносят
Фернандо и сажают его на циновку.

Дон Фернандо

Кладите здесь меня, чтоб лучше
Я насладился блеском дня.
О, милосердный мой Создатель,
Как услаждаешь ты меня!
Когда многострадальный Иов
Такой же мукой был объят,
Он проклинал сиянье солнца, -
Но был он во грехе зачат.
А я его благословляю,
Благоволенье Бога в нем,
И каждый луч есть возглас к Богу,
Поющий светом и огнем.

Брито

Так хорошо тебе, владыка?

Дон Фернандо

О, лучше, чем я заслужил!
Как много для меня благого
Ты, Царь Небесный, совершил.
Когда из мрачных подземелий
Я выхожу на свет дневной,
Даешь мне солнце, чтоб согреться:
Ты расточителен со мной.

Первый пленник

С тобой хотел бы я остаться,
Тебя утешить, видит Бог;
Но нужно нам идти работать
И удержать докучный вздох.

Дон Фернандо

Прощайте, дети.

Второй пленник

Горе, горе!

Третий пленник

Что может горестнее быть?
(Пленники уходят.)

Дон Фернандо

Со мной вы остаетесь оба?

Дон Хуан

Я тоже должен уходить.

Дон Фернандо

Что буду без тебя я делать?

Дон Хуан

Я ворочусь к тебе сейчас;
Чего-нибудь поесть ты должен.
Мулей, увы, покинул нас,
И нет нам более поддержки,
И должен я идти к врагу,
Но все же я пойду спокойно
И все исполню, что могу;
Хоть с невозможностью придется
Мне быть в сомнительной борьбе:
Никто не должен по указу
Напиться даже дать тебе,
И ничего не продавать мне,
За то, что я всегда с тобой.
Могли ль мы думать, что придется
Быть так караемым судьбой?

Но вот идут.

(Уходит.)

Дон Фернандо

О, если б мог я
В ком состраданье возбудить,
Чтобы хотя одно мгновенье
Еще в страданиях пожить!

СЦЕНА 7-я

Царь, Таруданте, Феникс,
Селин. - Дон Фернандо, Брито.

Селин

Великий государь, ты вышел
На улицу, где пред собой
Сейчас Инфанта ты увидишь.

Царь (к Таруданте)

Я пожелал пойти с тобой,
Чтоб ты мое величье видел.

Таруданте

Весьма ценю такой почет.

Дон Фернандо

Подайте милостыню, люди,
С мольбою нищий вас зовет,
Взгляните на меня, я болен,
Я предан тяжести скорбей,
Я, голодая, умираю,
И даже зверь между зверей
Всегда находит состраданье.

Брито

Здесь просят милостыню так:
Имейте состраданье, мавры,
О хлебе молит вас бедняк,
Святой ногою Магомета
Он заклинает вас о том.

Царь

Что веру он хранит в несчастьи
И в унижении таком,
Меня бесславит, оскорбляет.
Инфант, маэстре!

Брито

Царь зовет.

Дон Фернандо

Меня? Ты обманулся, Брито,
Не от меня он слова ждет:
Я не Инфант и не маэстре,
Я труп его, лишенный сил;
И я с землей соприкоснулся;
Инфант, маэстре – прежде был,
Не так мое названье ныне.

Царь

Коль быть Инфантом перестал,
Ответь мне просто как Фернандо.

Дон Фернандо

Теперь, хотя б с земли я встал,
К твоим ногам паду покорно.

Царь

Ты тверд в решении своем.
Смиренье это или храбрость?

Дон Фернандо

Поклон раба – перед Царем.
И так как я твой раб, и так как
Я нахожусь перед тобою,
С тобою говорить я должен:
Внимай, властитель мой и Царь.
Ты Царь, промолвил я, и если
Иной закон тобою правит,
Так беспредельна, так могуча,

Пышна божественность царей,
Что безусловно порождает
Она душевное величье;
И ты с великодушной кровью
Таишь способность сострадать;
Не только меж людей, но даже
Среди зверей названье это
Так властно, что закон природы
Ему покорствоваться велит;
Так в разных книгах мы читаем
О первобытных общежитьях,
Что лев, могучий царь животных,
Когда нахмуривает лоб,
На нем встает короной грива,
Но он проникнут милосердьем,
Того, кто перед ним склонился,
Не растерзал он никогда.
В соленых пенных брызгах моря
Дельфин, властитель рыб, с

короной

Серебряной и золотою
Из светло-синей чешуи,
Не раз, во время сильной бури,
Спасал на сушу погибавших {1},
Чтоб море их не поглотило.
Могучий реющий орел,
Которому воздушный ветер
На голове взбивает перья {2},
Царь птиц, приветствующих солнце,
Исполнен высшей доброты, -
Чтоб человек не выпил смерти,
Которую жестокий аспид
Сокрыл во влаге серебристой,
К кристаллам примешавши яд, -
Своими сильными крылами
И клювом возмущает воду.
И меж камней и меж деревьев
Мы видим той же власти знак:
Покрытый нежною коронкой,
Гранат, властитель над плодами,
Меняет цвет, когда отравлен,
И, погашая свой рубин,
Мерцает сумрачным топазом,
С оттенком обморочно-бледным.
Алмаз, перед которым силу
Теряет даже сам магнит,
Ему на верность присягая,

Так благороден, что измену
Хозяина изобличает,
И если раньше пред резцом
Он был непобедимо твердым,
По совершении измены
Становится как бы золою.
Так если меж зверей и рыб,
Меж птиц, камней и меж растений
Величье царское являет
Свою способность к милосердью,
Несправедливо, государь,
Чтоб меж людей она исчезла:
И для тебя не оправданье
Отличие твоего закона,
Бесчувственность везде одна.
Я не хочу тебя растрогать,
Чтоб ты, слезам моим внимая,
Дал жизнь мне царским

состраданьем,

Я не прошу тебя о ней;
Я знаю, умереть я должен
От этой тягостной болезни,
Мои омрачены ей чувства,
Все тело от нее – как лед.
Я сознаю, я ранен смертью,
И чуть скажу какое слово,
Я чувствую, мое дыханье –
Как острой шпаги лезвие.
Я знаю, наконец, я смертен,
И нет мгновений достоверных;
По этой-то причине разум
Устроил гроб и колыбель
Похожими по внешней форме,
Похожими по матерьялу.
Когда кого-нибудь мы просим,
Мы руки складываем так
И поднимаем их; когда же
Хотим мы что-нибудь отбросить,
Мы то же делаем движенье,
Но опускаем руки вниз.
Когда рождаемся мы к жизни,
То в знак того, что мир нас ищет,
Он в колыбель нас принимает,
Которая открыта вверх.
Когда же презреньем или гневом
Он пожелает нас отбросить,
Он вниз тогда роняет руки,

И тот же самый инструмент
Меняет смысл при той же форме,
И, сохраняя ту же сущность,
Что было кверху колыбелью,
То книзу превратилось в гроб.
Так близко мы живем от смерти,
Так тесно при рождении нашем
Сливаются, черта с чертою,
И колыбель и ложе мглы.
Чего ж он ждет, кто это слышит?
Кто это знает, что он ищет?
Не жизни, в этом нет сомненья,
А смерти: я о ней прошу;
Пусть небо даст мне исполненье
Желанья умереть за веру,
То не отчаянье, не думай,
Меня не отвращает жизнь,
Но я ее отдать хотел бы
В защиту дела правой веры,
Чтобы в единой жертве Богу
Душа и жизнь слились в одно.
Итак, хотя я жажду смерти,
Но чувством я своим оправдан.
И где бессильно состраданье,
Пусть там тебя обяжет гнев.
Ты лев? Тогда с могучим ревом
Скорее разорви на части,
Кем оскорблен ты и поруган.
Орел? Тогда скорей изрань
Свирепым клювом и когтями
Того, кто разорить решился
Твое гнездо. Дельфин? Вещай же
О страшных бурях моряку,
Что бороздит пучины моря.
Гранат? Яви нагие ветви,
Как признак Божеского гнева,
Неукротимости ветров.
Алмаз? Рассыпья мелкой пылью
И сделайся отравой жгучей,
И утомись, и успокойся,
Но только знай притом, что я,
Хотя б я больше ведал бурей,
Хотя бы больше видел гнева,
Хотя б я больше знал печалей,
Хотя бы больше знал тоски,
Хотя бы больше встретил бедствий,
Хотя бы больше понял голод,

Хотя б в лохмотьях был, хотя бы
В грязи и в низости лежал,
Но непреклонен буду в вере,
Она как солнце предо мною,
Она как свет, меня ведущий,
Она нетленный мой венец,
Ты победить не можешь Церковь,
Меня, коли захочешь, можешь,
Но будет Бог моей защитой,
Как я защита дел Его.

Царь

мученьях

Возможно ль, чтоб в таких

Ты сохранил такую гордость
И сам сумел себя утешить,
Когда страдания – твои?
И чтобы мне в упрек ты ставил,
Что я тебе не сострадаю,
Не милосерд к чужому горю,
Коль ты не милосерд к себе?
Не я, а ты, своей рукою,
Себе удар наносишь смертный,
Проникнись ты к себе участием,
Проникнись им к тебе и я.

(Уходит.)

Дон Фернандо (к Таруданте)

Властитель, окажи мне помощь.

Таруданте

Какое горькое злосчастье!

(Уходит.)

Дон Фернандо (к Феникс)

Когда в тебе душа красива,
Как нежно тело у тебя,
Перед Царем будь мне защитой.

Феникс

Какая скорбь!

Дон Фернандо

Не взглянешь даже?

Феникс

О, ужас, ужас!

Дон Фернандо

Впрочем, правда:
Скорбь видеть не твоим глазам.

Феникс

Какая пытка!

Дон Фернандо

Но хотя бы
Ты на меня и не смотрела,
Хоть ты уходишь прочь, но нужно,
Чтоб ты услышала теперь,
Что если даже ты красива,
Ты более меня не стоишь,
И может быть я стою больше. {3}

Феникс

В твоих словах смертельный яд.
Ты голосом наводишь ужас,
Меня своим дыханьем ранишь.
Оставь меня. Чего ты хочешь?
Страдать сильнее я не могу.
(Уходит.)

СЦЕНА 8-я

Дон Хуан, с хлебом. - Дон Фернандо,

Брито.

Дон Хуан

За то, что шел к тебе я с хлебом,
Меня преследовали мавры,
Смеялись надо мной и били
Меня до нанесенья ран.

Дон Фернандо

Наследство праотца, Адама.

Дон Хуан

Бери и ешь.

Дон Фернандо

О, друг мой верный!
Ты этот хлеб приносишь поздно,
Ко мне уже подходит смерть.

Дон Хуан

Да ниспошлет мне свет свой небо!

Дон Фернандо

Но всякая болезнь смертельна,
Как быть, когда все люди смертны,
Как быть, когда в конце концов,
Уставши в этом лабиринте,
Старея, человек, смущенный
Самим собой, заболевает,
И тот недуг приносит смерть?
О, человек, не будь небрежным:
Не забывай о вечной казни,
Не жди в болезнях предвещаний,
Ты сам – страшнейший твой недуг.
Пока живешь ты в этом мире,
Ты по земле ступаешь твердой,
Но ты над собственной могилой
Проходишь в мире каждый миг.
Закон печальный, рок суровый:
Что б ни случилось, видеть ясно,
Что с каждым шагом (о, мученье)
Ты должен уходить вперед,
И даже Бог не может сделать,
Чтоб этот шаг твой был не сделан.
Друзья, конец мой подступает:
Несите на руках меня.

Дон Хуан

Последнее мое объятие
Отдам тебе.

Дон Фернандо

С последней просьбой
К тебе я, друг мой, обращаюсь,
Мой благородный Дон Хуан.
Раздень меня, когда умру я,
Найди в угрюмом подземельи
Мое монашеское платье, -
Так долго я его носил, -
И в нем меня, с лицом открытым,
Похорони, коль Царь жестокий
Смягчит свой гнев и не откажет
Мне в погребеньи; обозначь
Мою могилу; я надеюсь,
Что, умирая как невольник,
Я буду выкуплен позднее
И буду спать у алтаря.
Тебе, Создатель мой Небесный,
Церквей так много сохранил я,
Что я надеяться решаюсь,
Ты приютишь меня в одной.
(Его уносят на руках.)

СЦЕНА 9-я

Побережье вдали от города Феса. - Ночь,
Дон Альфонса, солдаты с мушкетами.

Дон Альфонсо

Оставьте на лазурном побережья
Громаду этих тяжких кораблей,
Которые, на изумленье небу,
Качает море в снежности своей.
И пусть меж этих дальних

горизонтов

Морские горы выбросят солдат,
Чтоб корабли, как греческое

зданье,

Зажгли пожар, губительный

стократ.

СЦЕНА 10-я

Дон Энрике. – Те же.

Дон Энрике

Ты не хотел, властитель, чтобы
вышло

Близ Феса наше войско; пожелал,
Чтоб в этом месте высадка
свершилась,

Ты место несчастливое избрал:
Сюда идет бесчисленное войско,
Движеньем гонит ветер пред собой,
И возвышает горные вершины
Воинственной растущей толпой.
Супругою уводит Таруданте
Принцессу Феса, он спешит к
себе...

Но пусть раскат грохочущего эхо
Об этом громче возвестит тебя.

Дон Альфонсо

Энрике, я нарочно выбрал этот
Заранее намеченный проход:
Я войско Феса вместе с этим
войском

Нашел бы, если б там причалил
флот.

Теперь же, разделенных, я сумею
Сперва одних, потом других
разбить.

И, прежде чем они соединятся,
Вели скорей к оружию трубить.

Дон Энрике

Безвременно сражение это будет.

Дон Альфонсо

Мой гнев теперь ко всем советам
глух,
Пусть мщение нагрянет безотложно,
Я в Африку явлюсь как грозный
дух.

Дон Энрике

тени,

Смотри, уж ночь, закутанная в
Светило дня сокрыла в бездне вод.

Дон Альфонсо

сражаться;

Мы будем в дымном сумраке

Той веры, что в душе моей живет,
Не победить ни времени, ни силе.
Фернандо, если в этот самый час,
Во имя Бога, терпишь ты за веру,
Победа ждет и не обманет нас.
Мне будет честь, ему святая

слава.

Дон Энрике

Ты гордостью своею увлечен.

СЦЕНА 11-я

Дон Фернандо. - Те же.

Дон Фернандо (за сценой)

Альфонсо!

На бой! На бой! Иди вперед,

Дон Альфонсо

стон?

Ты слышишь чей-то крик и зов и

битве

Дон Энрике

Я слышу трубный звук, сигналы к
И смутные меж ними голоса.

Дон Альфонсо

сомненья,

Итак, вперед, Энрике. Нет
Сегодня нам помогут небеса.

(Появляется инфант Дон Фернандо,
в рыцарской одежде своего ордена
и с зажженным факелом.)

Дон Фернандо

Помогут, да; твою увидя веру,
Они тебе замыслили помочь,
И защитят твоё святое дело.
Из рабства я уйду отсюда прочь.
Пример, достойный общего

вниманья:

храм;

За столько храмов, Бог даёт мне

Со светочем, изъятым у Востока,
Я буду озарять дорогу вам,
И с властным войском, царственный

Альфонсо,

говоря, -

Войдешь ты в Фес, - пойми, что

короноваться,

Не для того, чтоб там

Но мой закат преобразить в зарю.
(Уходит.)

Дон Энрике

сомневаюсь.

Альфонсо, в том, что вижу,

Дон Альфонсо

бой".

Я верю в то, что вижу пред собой,
И если речь идет о славе Бога,
Скажи: "Победа", - говоря: "На

(Уходят.)

СЦЕНА 12-я

Внутренняя часть стен Феса.

Царь и Селин;
в вышине Дон Хуан с одним
пленником,

и гроб, в котором, по-видимому,
находится

Инфант.

Дон Хуан

Тиран, ты можешь услаждаться,
Что варварски ты уничтожил
Жизнь превосходнейшую.

Царь

Кто ты?

Дон Хуан

Хотя бы ты убил меня,
Я тот, кто будет при Фернандо,
И если б даже от печали
Померк мой ум, я в самой смерти,
Как верный пес, пойду за ним.

Царь

Вот, христиане, образец вам,
Он возвестит векам грядущим
О том, что суд мой справедливый
Неукоснительно суров;
Жестоким да не назовется
Отмщение за оскорбленье
Особ высоких царской крови.
Теперь, Альфонсо, приходи,
Будь вызывающе-надменным,
Освободи его из рабства,
И пусть я потерял надежду,
Что будет Сеута моей,
Но так как ты притом утратил
Надежду получить Фернандо,
Я ныне услаждаюсь, видя,
Что в тесной замкнут он тюрьме.
И мертвый не освободится
Он от моей суровой кары,
Пусть будет он на посмеянье
Пред всеми выставлен теперь.

Дон Хуан

Получишь скоро воздаянье:
Уже над морем и над сушей
Отсюда вижу я знамена

Сюда идущих христиан.

Царь

Взойдем на вышку и посмотрим,
Что происходит за стенами,
Какие новые готовит
События закон судьбы.

Дон Хуан

Я вижу траурные знаки,
Влачатся горестно знамена,
Звучат чуть слышно барабаны
И не дымятся фитили.

СЦЕНА 13-я

Внешняя часть стен Феса.

Отдаленный бой барабанов; впереди идет Дон
Фернандо,
с зажженным факелом, за ним Дон
Альфонса,
Дон Энрике и солдаты, ведущие захваченных в
плен
Таруданте, Феникс и Мулея; потом Царь и
Селин.

Дон Фернандо

Сквозь непроглядный ужас ночи,
Никем не знаемой дорогой,
Тебя я вел: и облик солнца
Расторг сплетенья дымных туч.
О, победительный Альфонсо,
До Феса ты дошел со мною:
Ты перед фесскою стеною,
Так выкупи теперь меня.

(Уходит.)

Дон Альфонсо

Кто на стенах там есть, услышите!
Пусть выйдет Царь ко мне скорее!
(На стену выходят Царь и Селин.)

Царь

Чего, воитель юный, хочешь?

Дон Альфонсо

Чтоб ты Инфанта отдал мне!
Чтоб ты маэстре Дон Фернандо
За Таруданте и за Феникс,
Которых видишь пред собою,
В обмен мне отдал! Выбирай:
Смерть Феникс иль его свободу.

Царь

О, друг Селин, что буду делать
Среди подобных затруднений:
Фернандо мертв, а дочь моя
В его руках. Судьбы превратность,
Вот до чего дожить пришлось мне.

Феникс

Но что я вижу пред собою?
О, что же это, государь:
Я в этом тяжком затрудненьи,
И жизнь моя под страхом смерти,
И честь моя в такой тревоге,
А ты не знаешь, что сказать?
Ты можешь медлить хоть минуту,
И колебаться хоть мгновенье,
Чтоб получить мою свободу?
Ты держишь жизнь мою в руке,
И соглашаешься (о, мука!),
Чтобы моя (о, горечь пытки!)
Выла в несправедливом рабстве?
Твой голос может жизнь мою
Единым словом (о, страданье!)
Восстановить, и ты спокойно
Молчанием предоставляешь,
Чтоб мой звучал такой мольбой?
Здесь на глазах твоих кинжалом
Готовятся пронзить мне сердце,
А ты глядишь, как льются слезы
Перед тобою из моих?
Ты Царь, - и оказался зверем,
Отец, и предстаешь как аспид,

Судья, и палачом явился,
Нет, ты не Царь и не отец.

Царь

О, Феникс, это замедленье
Не понимай как нежеланье
Тебе дать жизнь, - желает небо,
Чтобы окончилась моя.
И так как более не хочет,
Чтоб наши жизни продолжались,
Узнай, Альфонсо, что с закатом
Вчерашний день, в тот самый час,
Как отбыла из Феса Феникс, -
Закончив путь свой в море пены,
Закончив путь свой в море смерти,
Скончались - солнце и Инфант.
И этот гроб смиренно-тесный
Оправа царственного тела.
Сверши же приговор над Феникс:
Пускай за кровь прольется кровь.

Феникс

О, горе мне! моя надежда
В одно мгновенье оборвалась.

Царь

И ничего мне не осталось,
Чтоб хоть мгновение прожить.

Дон Энрике

Что слышу? Да поможет Бог мне!
Как поздно, небо, о, как поздно
К нему пришла его свобода!

Дон Альфонсо

Не говори так; если сам
Фернандо в символах сказал нам,
Чтоб мы его освободили,
Он разумел свой прах остывший,
Хотел сказать, что прах его
За много храмов храм получит,
И выкупить его должны мы.

Царь Фесский, чтобы ты не думал,
Что меньше этой красоты
Фернандо отошедший стоит,
Я на него ее меняю.
Пошли же снег мне за кристаллы,
Январь мне обменяй на май,
Отдай мне за алмазы - розы,
За неземной прекрасный образ
Дай мертвого многострадальца.

Царь

Альфонсо, что ты говоришь,
Непобедимый?

Дон Альфонсо

Говорю я:
Пусть пленники его опустят.

Феникс

И стала я ценою трупа:
Свершился неба приговор.

Царь

Спускайте со стены высокой
Тяжелый гроб, и сам спущусь я,
Чтобы у ног Альфонсо сдаться.
(Уходит со стены.)

(Гроб спускают на веревках по стене.)

Дон Альфонсо

О, Принц, о, мученик святой!
Тебя в объятья принимаю.

Дон Энрике

Перед тобой, мой брат, склоняюсь.

СЦЕНА 14-я

Царь, Дон Хуан, пленники. - Те же.

Дон Хуан

Привет, великий наш Альфонсо,
Дай руку.

Дон Альфонсо

Друг мой Дон Хуан,
Таков отчет твой об Инфанте?

Дон Хуан

Я был при нем до самой смерти,
Пока его не увидал я
Свободным, мертвым и живым:
Взгляните, как лежит он тихо.

Дон Альфонсо

Дай руку мне свою, родной мой.
Несведущий, я слишком поздно
Тебя пришел освободить.
Но в смерти, что всего важнее,
Всегда являет лик свой дружба.
Твои блаженные останки
Я отвезу с собой во храм.

(К Царю.)

Тебе я, Царь, вручаю Феникс
И Таруданте, и в супруги
Прошу ее отдать Мулею,
С Инфантом он так дружен был.

(К пленникам.)

Придите, пленники, взгляните,
Вот ваш Инфант, попеременно
Его несите до армады.

Царь

Пусть все идут вослед за ним.

Дон Альфонсо

Под заунывный трубный голос,
Под стройный рокот барабанов
Пусть похоронным маршем войско
Идет, - чтоб кончил долгий путь,
Прозя смиренно извиненья

За все великие ошибки,
Инфант Фернандо Лузитанский,
В христовой вере стойкий Принц.

^ТПРИМЕЧАНИЯ^U

^ТОВОСНОВАНИЕ ТЕКСТА^U

Как ни значительны цели, стоящие перед данным изданием, оно, разумеется, не является "критическим". Такая задача по отношению к драме испанского Золотого века (XVI-XVII вв.) медленно, десятилетиями решается и на языке оригинала, несмотря на беспрецедентную (в сравнении, например, с Англией или Францией) сохранность рукописей XVII в., даже автографов.

Задача критического издания текстов К. Д. Бальмонта тоже не дело ближайшего будущего. Применительно к переводам драм Кальдерона мы пользовались лишь одним "окончательным" текстом, более обработанным, когда речь идет о шести напечатанных самим Бальмонтом пьесах, и менее завершенным в четырех новооткрытых в машинописи 1919 г. пьесах, печатающихся в этой книге в переводе Бальмонта впервые.

Выше в статье отмечалось значение двойных литературных памятников - таких, в которых важна не только художественная ценность оригинала, но ценность вклада переводчика в русскую культуру. Приведены также сведения по истории текстов перевода Бальмонта, открытия машинописи утраченных четырех пьес: "Дама Привидение,", "Луис Перес Галисиец", "Волшебный маг" и "Саламейский алькальд".

Нужно лишь еще раз повторить, что, по мнению издателей, бальмонтские переводы Кальдерона - явление удивительное. Они доказывают осуществимость сочетания максимальной точности (их можно рекомендовать как для занятий по

совершенствованию знания испанского языка, так и по проблеме русских лексических и синтаксических эквивалентов стилизованной речи Кальдерона) _с высокой поэтичностью_.

Пьесы расположены в хронологическом порядке.

В тексте Бальмонта исправлялись лишь явные опечатки и описки.

Написание иностранных имен собственных у Бальмонта сохранялось, но в некоторых случаях, где оно орфографически отличается от современной передачи вследствие известной общей эволюции принятых норм по сравнению с началом XX в., приводилось (с соответствующей оговоркой) к современной норме. Наиболее частое изменение – это сужение употребления "э" (особенно в дифтонгах) или приведение в соответствие с преобладающей современной традицией написания "у" или "ю" после испанского "ль", не соответствующего ни мягкому, ни твердому русскому "л". Например: вместо дон Гутиэрре у Бальмонта – дон Гутиерре, вместо дон Люис у Бальмонта – дон Луис.

Не воспроизводится также спорная идея Бальмонта обозначать перенос ударения в имени Патрик (по-русски обычно на первом слоге) на "и", в соответствии с испанским (восходящим к латинскому) эквивалентом "Патрисιο", путем написания сдвоенного "к" – "Патрикк". Мы пишем просто "Патрик", напоминая, что у Бальмонта всюду ударение на втором слоге: "Патрик".

Не привилась по-русски и употреблявшаяся Бальмонтом (воспроизведенная Сабашниковыми) новоиспанская традиция ставить в начале вопросительных и восклицательных предложений соответствующие знаки в перевернутом виде. В рукописях и изданиях кальдероновских времен она не соблюдалась.

Бальмонт переводил, естественно, по изданиям XIX в., в которые, в отличие от изданий XVII в. и в большинстве случаев более точно следующих им изданий

XX в., вводилось деление трех действий (по-испански - "хорнад", "дней") на сцены ("явления"). Такое деление, ставшее в некотором роде международной нормой издания европейских драм, мы сохраняем. Этим достигается большая полнота воспроизведения перевода таким, каким его видел и слышал сам Бальмонт, а кроме того, обеспечиваются удобства при чтении и постановке, а также при пользовании примечаниями.

В Дополнения включены целиком или с отмеченными сокращениями статьи, которые К. Д. Бальмонт предпосылал своим переводам.

В случае, если в примечаниях используются примечания Бальмонта, они отмечены в скобках инициалами К. Б., а где эти примечания положены в основу измененного или сокращенного текста, то пометой в скобках: по К. Б.

Печатные источники для воспроизведения перевода Бальмонта: Сочинения Кальдерона / Пер. с исп. К. Д. Бальмонта. М.: изд. М. и С. Сабашниковых. Вып. I-III. 1900, 1902, 1912; для рукописей: ГВИЛ. Отдел Рукописей. Архив К. Д. Бальмонта. Картон Э 10. Ф 261.14 (5-8).

Помещаемый в Дополнении перевод драмы "Жизнь есть сон" известного ученого-испаниста Дмитрия Константиновича Петрова (1872-1925) воспроизведен по редкому малотиражному оттиску: Кальдерон Педро. Жизнь есть сон / Пер. Д. К. Петрова. СПб., 1898. Орфография, пунктуация, написание имен сохраняются. Сохранены также и примечания Д. К. Петрова. Надо напомнить, что они написаны в период, когда понятие барокко еще не применялось к литературе и специфика эстетики барокко Кальдерона не была уяснена.

К нашему изданию приложены с соответствующим введением материалы по библиографии русских переводов Кальдерона Г. А. Когана.

Подготовка настоящего издания проходила в известном согласовании с подготовкой книги: Iberica. Культура народов Пиренейского полуострова (Вып.

II). Кальдерон и мировая культура XVII в. Отв. ред. академик Г. В. Степанов (1919-1986); выпуск подготовлен Н. И. Балашовым и В. Е. Багно (Л.: Наука, 1986).

Напомним, что, помимо издания отдельных пьес, в СССР были напечатаны два издания сочинений Кальдерона: Педро Кальдерон. Пьесы. Т. I-II /Сост., вступит, статья и примеч. Н. Б. Томашевского. Ред. переводов Н. М. Любимова. М.: Искусство, 1961; а также: Кальдерон де ла Барка Педро. Избранные пьесы (на испанском языке), с аппаратом на русском языке: статья С. И. Ереминой, подробный комментарий, включающий библиографию А. С. Науменко. М.: Прогресс, 1981.

Основное испанское издание, по которому сверялся текст и на которое даны ссылки в статьях: Calderbn de la Barka, don Pedro. Obras completes. Vols I-III por A. Valbuena Briones. Madrid / Ed. Aguilar (t. I - 1966; t. II - 1959; t. III - 1967).

Настоящее издание осуществляется в двух книгах. В первой помещены шесть драм Кальдерона, в Приложении статья Н. И. Балашова и примечания к шести драмам.

Во второй книге четыре драмы Кальдерона в переводе Бальмонта, в Дополнениях - драма "Жизнь есть сон" в переводе Д. К. Петрова, предисловия Бальмонта к сочинениям Кальдерона. Приложения ко второй книге включают статьи Д. Г. Макогоненко и Г. А. Когана, а также примечания к публикуемым во второй книге драмам.

Н. И. Балашов

СТОЙКИЙ ПРИНЦ

(EL PRINCIPE CONSTANTE)

Драма написана в конце 1628 г. Впервые напечатана в "Первой части комедий Кальдерона" в 1640 г.

В основе сюжета пьесы лежат подлинные исторические события - африканский поход португальских войск под командованием инфантов Фернандо и Энрике (1437). Португальцы тщетно пытались взять Танжер штурмом. Защитники крепости вместе с прибывшим подкреплением разбили португальские отряды. По условиям перемирия инфант дон Фернандо остался в качестве заложника и должен был получить свободу в обмен на крепость Сеуту. Энрике, возвратившись в Португалию, собрал кортесы для ратификации мирного договора. Однако знать и духовенство воспротивились такому обмену. Фернандо умер в плену в 1443 г., лишь в 1473 г. его останки были возвращены португальцам в обмен на знатного мавританского пленника. Вскоре Фернандо был канонизирован как мученик, и его имя обросло множеством легенд.

История принца Фернандо была подробно изложена в хронике "Vida del principe constante, segun la cronica de su secretario Joan F. Alvares y otros infonnaciones". Возможно, что с этой критикой был знаком Кальдерон. Кроме того, он мог знать и пьесу о доне Фернандо (1595-1598), приписываемую (хотя, по мнению некоторых авторитетных критиков, и без должных оснований) Лопе де Веге.

Подвигу Фернандо посвящены 52-я и 53-я октавы I песни поэмы "Лузиады" (1572) португальского поэта Камозэнса (1524-1580).

Хорнада I

1 Чтобы совершить объезд по морю // Вдоль берберийских берегов. -

Берберийский берег – обозначение, принятое для африканского побережья.

2 Близ Геркулесова пролива... – Имеется в виду Гибралтарский пролив.

3 Для нашей гордости преграда // Кавказ, которым задержался // Могучий Нил твоих побед... – В поэтической лексике того времени Кавказ – частый символ высочайшей преграды; Нил – величайшей реки в мире.

4 Магистры ордена – чье имя // Христос и Авис, – эти братья... – Ависский орден – португальский духовно-рыцарский орден, был основан в 1162 г. кастильскими рыцарями ордена Калатравы. Получил название по городу Авису, в 1162 г. сыграл значительную роль в истории Реконквисты (в 1789 г. перестал существовать). Орден Христа – португальский духовно-рыцарский орден, основанный в 1319 г. королем Дионисием I.

5 Узнай, что я родился в Хельве... – Хельвы – одна из транскрипций названия острова Джерба (залив Габес в Средиземном море), вблизи которого в начале XVI столетия происходили жестокие сражения испанских войск с турками и маврами.

6 Разговор между Мулеем и дон Фернандо представляет собой переделку стихотворения знаменитого поэта Гонгоры, которое, в свою очередь, было написано под влиянием народной песни. Поэты тех времен, также как и живописцы, не стесняясь, подражали друг другу, заимствовали друг у друга, желая достигнуть идеальных образцов в искусстве. Приведем стихотворение Гонгоры:

ИСПАНЕЦ ИЗ ОРНА

Среди коней, освобожденных
От седоков своих убитых,
Что ищут в поле, не глядит ли

Меж красного зеленый цвет,
Берет испанец из Орана
Коня, что бродит одиноко,
По ржанию звонкому - веселый,
По груди сильной - великан.
И на него он сам садится
И мавра пленного сажает.
Ста всадников начальник храбрый,
Его в бою он захватил.
На быстрого коня садятся;
Двойною парой шпор пронзенный,
Несется он, как бы влекомый
Теченьем четырех ветров.
Печальный в путь араб поехал,
И, как умел, настолько тихо
Метал он пламенные вздохи,
И слезы горькие ронял.
И каждый раз, как обернется,
Испанец видит с изумленьем,
Что нежно плачет, кто в сраженьи
Так тяжко раны наносил.
И вот степенно и учтиво
Его он просит, чтоб сказал он,
Какая этих слез причина,
Коли причина разрешит.
И пленный, пленником являясь,
Без отговорок отвечает,
И на вопрос, дышавший чувством,
Испанцу так он говорит.
- Велик ты в храбрости, испанец,
И так учтив ты, как бесстрашен;
Оружием и обращеньем
Двойко ты меня пленил.
Меня спросил ты о причине
Моих горячих воздыханий,
И должен я тебе ответить,
Раз я есть я, и ты есть ты.
От берберийки благородной
И от губительного турка
Родился в Хельве я в тот год,

как

Разбиты в Хельве были вы.
Я воспитался в Тремесене,
Близ матери моей и близких,
Как сирота; отец мой умер,
Корсаром трех морских судов.
Одна красавица из рода

Мелионесов благородных
Жила близ моего жилища,
Чтоб ближе смерть я встретить

мог.

Предел среди красивых женщин,
Коль не предел среди жестоких,
И, словом, дочь пустынь

песчаных,

Родительниц красивых змей.
Столь красота ее прекрасна,
Что на устах ее гвоздики
Цветут верней, чем это видим
В два ярких месяца весны.
Чуть только на нее взгляну я,
Ее чело сияет солнцем,
Одетых столькими лучами,
Насколько пышны волоса.
Мой разум, ею побежденный,
Красноречиво говорит мне
Чтоб я простил ее жестокость
И только помнил красоту.
Росли мы оба неразлучно,
И в те младенческие годы
Любовь неравными стрелами
Пронзила юные сердца.
Как золото, во мне возникнув,
Она сплелася нежной сетью,
В ней, как свинец, одни насмешки
И небреженье родила.
Так вот, испанец, та причина,
Которой к скорби я подвигнут:
Решай, имею ль основание
О стольких горестях скорбеть!
- О, смелый мавр, - ему сказал

он. -

Коль ты влюблен, как

повествуешь,

И если любишь, как сказал мне,
Блаженно мучаешься ты.
Кто мог бы думать, увидавши
Твои свирепые удары,
Что в сердце столь суровом

скрыта

Такая нежная душа?
Коль ты пленен любовью, можешь
Сейчас отсюда возвратиться,
А то сочтут, пожалуй, кражей

То, в чем я видел лишь судьбу.
И выкупа я не желаю,
Пусть мне она не посылает
Ни багряниц весело-цветных,
Ни превосходнейших ковров.
Свободен ты, иди же с Богом,
Страдай, люби, и жить ты будешь,
Когда же ты ее увидишь,
Прошу я, вспомни обо мне.
И вот с коня испанец сходит.
За ним и мавр сошел на землю,
И, на земле пред ним

простершись,

Целует ноги у него.
И говорит: - О, вождь

бесстрашный,

Живи еще тысячелетье,
Ты бравым был, меня пленивши,
Вдвойне был бравым - отпустив.
Аллах с тобою да пребудет,
И даст тебе всегда победу,
Дабы распространил ты славу
В деяньях доблести такой.
Когда впервые изменилась
Жестокость той змеи красивой,
Меня как раз в бою пленил ты.
Решай же, мог ли я скорбеть!
(Romancero general,
f. 1, p. 123, Bibl. de aut. esp.

t. X. - К. Б.).

7 Давай-ка притворюся мертвым... - Совершенно таким же образом поступает у Шекспира Фальстаф в I части Генриха IV (V; 4) (К. Б.).

8 А заодно, не будь я глуп, / / Вменю себе, что это время II Я не жил, будучи как труп. - В оригинале у Кальдерона эти строки даны по-португальски. В силу языковой близости они понятны испанскому читателю. В переводе сохранить эту особенность практически невозможно.

9 ...свет огней // Четвертой сферы. - Четвертой сферой является Солнце, занимающее в планетной системе Птолемея четвертое место (К. Б.).

10 Давай-ка бросим трупы в море, // Во избежание чумы. - И после завоевания Сеуты бросали трупы в море. Страх перед чумой не был обосновательным: позднее она полтора года свирепствовала в Фесе. В Португалии она также неоднократно вспыхивала в XV в., короли Дуарте и Альфонсо V были ее жертвами (К. Б.).

Хорнада II

1 Кто умирает, тот теряет // Свою физическую цельность. - Жизнеописание Иова см. в Книге Иова Ветхого Завета. В монологе можно усмотреть известное соответствие Евангелию (Матв., 16, 25): "кто потерял душу свою ради Меня, тот обретает ее".

2 В умах у знати лузитанской. - Лузитания - латинское название Португалии.

Хорнада III

1 Дельфин, властитель рыб... // ...Не раз, во время сильной бури, II Спасал на сушу погибавших... - Дельфин, как царь рыб, был в свите Нептуна (Гомер, Одиссея, V; 421). О сострадательных наклонностях дельфина Геродот рассказывает следующее (I, 23; 24): "Когда певец Арион, мефимнеянин, с большими богатствами собрался отплыть в Коринф, нанятые им коринфяне в открытом море решили бросить его в воду и завладеть его имуществом. Арион попросил, чтобы ему позволили, стоя на корме, в полном наряде, спеть песню перед смертью. Ему позволили. Он взял кифару, спел песню и бросился в море. Перевозчики отправились в Коринф, а дельфин взял Ариона к себе на спину и вынес его на Тенар. Впоследствии Арион пожертвовал тенарскому святилищу медное изображение человека, сидящего на дельфине. - По понятиям древних,

дельфины выносили на сушу и других людей, как живых, так и мертвых" (Aelian, "De natura animalium", VI, 15, VIII, 3; XII, 6) (К. Б.).

2 ...орел, // Которому воздушный ветер // На голове взбивает перья... - Ветер таким образом делает его голову как бы венценосной. О милосердии орла рассказывает Элиан (XVII, 37): "Один жнец, пойдя к источнику за водой для своих товарищей, убил змею, от которой орел, обвитый ею как кольцом, никак не мог освободиться. Вернувшись затем к своим товарищам, он дал им воды, и они напились. Когда же он сам поднес сосуд с водой к губам, орел, летавший поблизости, опрокинул сосуд и разлил воду. Жнец, негодуя на неблагодарность, начал бранить его, но, когда он обернулся, товарищи его были уже объаты смертными муками, и он увидел тогда, что змея отравила источник, а орел спас ему жизнь" (К. Б.).

3 И может быть я стою больше. - В этой фразе двойной смысл, так как, в исполнение предсказания старухи, пленная Феникс будет выдана в обмен на труп Дон Фернандо, и явится таким образом "ценою мертвеца" (К. Б.).

Д. Г. Макогоненко